

равно подразумевала *Император-родоначальником* единственное определённое лицо – Себя. Та же идея и в том же понимании руководила и Павлом I. Иное толкование не просто некорректно в смысле прочтения текстов Законов 1797 года и Свода редакции 1832 года. Оно извращает *самую суть* совершённого в этих актах приоритета единственного и одного значного, однажды и навсегда установленного законного порядка, привнесшим законодателем, Павлом I, мотив, возвращающий к Уставу 1722 года. Побочным аргументом может служить и то, что только такое – исторически **единичное** – определение *Императора-родоначальника* свойственно и германо-австрийскому публичному праву, на которое ориентировалось усвоение принципов законного регулирования престолонаследия в России в XVIII веке. Таким образом, новый историко-правовой материал ещё раз подтверждает большую обоснованность того толкования института (и вытекающих из этого толкования идейно-политических выводов), которые были даны М.В. Зызыкиным.¹⁰⁴ Если, разумеется, не изолировать позитивированное публичное право русской монархии от его предыстории в XVIII веке – пусть далеко не прямой, но во многом весьма показательной.

Т.А. Алексеева

ЭВОЛЮЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ОБРАЗА ИСПАНСКОЙ МОНАРХИИ (XIX–XX вв.)

Испания – одно из европейских государств, сохраняющее по сей день монархическую форму правления и традиционную для неё в последние века династию Бурбонов на престоле. Первый опыт конституционного оформления монархии в этой стране имел место в начале XIX в. и прошёл серьёзный путь развития в течение двух столетий.

Рассмотрение эволюции образа монархии в указанный период, как нам представляется, предполагает, по крайней мере, два аспекта: 1) анализ конституционного оформления монархической формы правления с учётом отношения к ней испанского общества в соответствующих конкретные исторических условиях, а также с учётом политических и правовых ориентиров и практики реализации положений основных законов в Испании в XIX–XX вв.; 2) исследование развития правового статуса монарха по конституциям страны.

Монархия и первые конституции в первой трети XIX в. (1808–1833 гг.) В XIX век Испания вступила как абсолютная монархия: в стране правил король Карлос IV, который – как замечал в одном из донесений в Петербург российский посланник в Мадриде С.С. Зиновьев – демонстрировал «полнейшее безразличие к общественному благу».¹ Характерной чертой испанского абсолютизма стало наличие при монархе камарильи, определявшей всю внутреннюю и внешнюю политику государства.

Международная активность мадридского двора, а точнее, одного из членов камарильи, фаворита королевы Мануэля Годоя, привела к оккупации территории Испании наполеоновскими войсками, серии отречений от престола² и национально-освободительной войне испанского народа, преодолённого своими правителями.

¹ Россия и Испания: Документы и материалы (1667–1917). Т. 1. М., 1991. С. 411.
² 19 марта 1808 г. Карл IV де Бурбон отрёкся от престола в пользу сына Фернандо VII де Бурбона, в мае 1808 г. последний был вынужден отречься в пользу отца, а он, в свою очередь, – в пользу Наполеона, который в июне 1808 г. объявил королём Испании своего брата Жозефа.

¹⁰⁴ См.: Зызыкин М. В. Царская власть и закон о престолонаследии в России. София, 1924. С. 101, 115, 183 и друг.

Первые попытки ввести в Испании конституционное правление были предприняты во время войны с Францией. С одной стороны, как и в некоторых других странах, это было сделано Наполеоном, с другой стороны, конституционное движение возникло в самом испанском обществе. Особенностью рождения испанского конституционализма стало появление двух конституций — 1808 и 1812 гг., каждая из которых в испанской историко-правовой литературе заслужила право называться первой. Примечательно, что обе конституции юридически оформили статус короля: первая — иноземного, вторая — национального.

Император Наполеон не скрывал, что одной из целей его военной кампании было устранение Бурбонов на испанском троне, дабы они не отбрасывали тень на законность «династии» Наполеонов.³ 6 июня 1808 г. император провозгласил королём Испании своего брата Жозефа. Смену монарха и династий император решил представить в виде прогрессивной государственно-правовой реформы, проводимой французами, и «легализовал» её в Конституции. Последняя была одобрена хунтой (т. е. собранием), которая заседала на территории Франции, в Байоне, с 15 июня до 7 июля 1808 г.⁴ и состояла из лиц, симпатизировавших французам и проводимым ими преобразованиям.

Хронологически Байонская конституция 1808 г.⁵ была действительно первой в истории Испании. Формально и первым конституционно ограниченным монархом в стране стал назначенный императором французов Жозеф Бонапарт. Очевидно, что влияние французского конституционализма на статус короля должно было иметь место. Однако следует отдать должное авторам проекта: это было сделано не механически, более того, с учётом испанских традиций. Поэтому Байонская конституция, подготовленная Наполеоном, по справедливой оценке историка М. Артолы, являлась результатом скрещивания институтов испанской монархии и сенатус-консультата 18 мая 1804 г., который закрепил за Наполеоном титул императора.⁶ Из последнего была заимствована, прежде всего, идея сильной власти короля.

Отношение подавляющего большинства испанского общества к конституции, дарованной Наполеоном, было предопределено: испанцы, за ис-

ключением «офранцузенных»,⁷ не признали её, отвергли иностранную власть и поднялись на борьбу за свободу своей родины. Её лозунгами стало возвращение на престол «любимого», «желанного» Фернандо VII и восстановление в прежнее величие католической религии.⁸ Король-«пленик» превратился в символ независимости и свободы отечества, а знамя борьбы против завоевателей. Монархизм и религиозность — характерные черты войны против Франции и революционной эпохи оказали огромное влияние на весь испанский конституционализм XIX в. «Родина, свобода, нация и национальный суверенитет» стали его важными «идейными ценностями».⁹

Однако не следует полностью игнорировать влияние Байонского акта на последующее конституционное развитие Испании не только с точки зрения заимствования законодательной техники, но и содержания. Легко обнаружить сходство начальных слов преамбул, стремление авторов текста узаконить определённого монарха на троне (Жозефа — в 1808 г., Фернандо — в 1812 г.), тщательное закрепление вопросов престолонаследия, назначения регента, имущественное положение королевской семьи. По своему статусу оба короля признавались конституционными и были обязаны соблюдать Основной закон. Примечательно, что в условиях войны обе конституции имели мало шансов стать действующими.

В ходе национально-освободительной войны, в условиях бездействия правительства хунты, которая, по воле Фернандо VII, должна была осуществлять в его отсутствие верховную власть, испанцы учреждали национальные органы власти — местные хунты. Потребность объединения усилий по ведению военных действий и организации национальной власти привела к открытию 25 сентября 1808 г. в Аранхуэсе заседаний Центральной хунты, впоследствии переместившейся в Севилью. Она провозгласила Фернандо VII законным королём, а Байонскую конституцию и все декреты «интервента Жозефа» — недействительными.¹⁰ Начиная с этого момента и до окончания войны, в Испании юридически было два монарха: один — французский, пытавшийся лично осуществлять свою власть на территории, контролируемой войсками, второй — национальный, представленный в тот момент Центральной хунтой, которая, в представлении патриотов, должна

⁷ Так называли тех, кто, в отличие от патриотически настроенных членов испанского общества, признал власть, учреждённую французами. Заметим, что и современные испанские исследователи, как правило, не считают Байонскую конституцию подлинной конституцией (см., напр.: Tomas y Valiente F. La Constitución de 1778 y la Historia del Constitucionalismo Español // Obras completas. T. 3. P., 2003).

⁸ Varela Suanzes-Carpegna J. Rey, corona y monarquía en los orígenes del constitucionalismo español: 1808–1814. // Revista de Estudios políticos. 1987. № 55. P. 128.

⁹ Кирсанова Н. В. Представление о нации и национальное сознание в Испании. XIX в. // Национальная идея в Западной Европе в Новое время: Очерки истории. М., 2005. С. 306.

¹⁰ См.: Sevilla Andres D. Historia constitucional de España, 1800–1966. Vol. I. Valencia, 1966. P. 29.

³ Монархи Европы: Судьбы династий. М., 1997. С. 147–148.

⁴ Русский посланник в Мадриде граф А. Строганов, сославшись на отсутствие у него инструкций, отказался признать нового короля см.: (Додолев М. А. Россия и Испания. 1808–1823 гг. М., 1984. С. 23).

⁵ См.: Constitución de 6 de julio de 1808 // Constituciones Historicas: Edición Oficial. Rico Lima R. Sevilla, 1999. P. 1–17.

⁶ Artola M. La burguesía revolucionaria. 1808–1869. Madrid, 1973. P. 18.

была временно замещать короля. Логично, что 20 июля 1808 г. от имени Фернандо VII хунта объявила войну Франции. Главный итог её деятельности — подготовка созыва национального представительства — кортесов.

24 сентября 1810 г., в первый день работы представительного органа, ставшего учредительным, Испания была объявлена конституционной монархией. В своём первом декрете учредители заявили, что «генеральные и чрезвычайные кортесы испанской нации... в соответствии с общей волей... присягают своему единственному и законному королю сеньору дону Фернандо VII Бурбону и объявляют недействительным его отречение от престола в пользу Наполеона не только потому, что этот несправедливый и незаконный акт был вызван применением насилия, но главным образом потому, что нация не давала на него своего согласия».¹¹ Королю, в соответствии с декретом, вручалась исполнительная власть, которую в его отсутствие осуществляет регентский совет. Последний и должен был замещать монарха до возвращения из французского «плена» Фернандо VII.

19 марта 1812 г. кортесы промульгировали Конституцию. Она вошла в историю под именем Кадисской, так как была принята в не оккупированном на тот момент городе Кадис. Дата была избрана весьма не случайно: её провозглашение осуществлялось в день четвертой годовщины начала правления Фернандо VII. Она стала результатом интеллектуального творчества либералов (А. Аргуэльес, Торено и др.), вынужденных принимать во внимание позицию «раболопных» (*serviles*), отражавших взгляды значительного большинства испанского населения. Либералы были воспитаны на идеях французского Просвещения, на опыте Великой французской революции. Но в условиях национально-освободительной войны, опасаясь показать соотечественникам «офранцузенными», они попытались вплотную свою доктрину в конституционную практику при помощи мифа о возрождении исторической испанской конституции, в которую верила значительная часть общества. Поэтому все преобразования в Испании исторически маскировать, ссылаясь на якобы имевшуюся в Испании историческую конституцию, дав подробные объяснения в записке, предварявшей конституционный проект.¹²

В результате учредительным органом был принят политический кодекс, ставший порождением «революционно-демократического национализма», имевший многонациональную идейную и юридическую базу, т.е. основанный не столько на пиренейских источниках, сколько впитавший конституционные идеи и образцы английского и особенно французского происхождения.¹³ Поэтому неудивительно, что Конституция 1812 г., со-

¹¹ См.: Decreto del 24 de septiembre 1810 // Colección de los decretos y ordenes de las Cortes de Cádiz. T. I. Madrid, 1813. P. 1–3.

¹² См.: Discurso preliminar leído en las Cortes al presentar la Comisión de Constitución el proyecto de ella // Sevilla Andrés D. Constituciones y otras leyes y proyectos políticos en España. T. I. Madrid, 1969. P. 115–160.

¹³ См.: Romano A. Cadice come modello costituzionale // Costituzione politica della Monarchia Spagnuola. A cura di A. Romano. Messina, 2000. P. XXVIII.

хранявшая монархию, но принятая без монарха, впоследствии «пугала своим демократичным характером европейские парламенты».¹⁴

Значение Кадисской конституции для развития испанского конституционализма чрезвычайно велико, поскольку в ней были заложены основы национального конституционного права, в том числе и основа традиции закрепления формы правления и статуса монарха. Испанское государство провозглашается наследственной ограниченной монархией (ст. 14), в которой организация власти тщательно регламентирована конституционными нормами, т.е. *конституционной монархией*. Указание на наследственный характер власти ещё раз подчеркивало неприемлемость иностранного короля на престоле.

Основной закон объявляется от его имени (т.е. от имени отсутствовавшего Фернандо VII) посредством формулы, которой открывается преамбула Кадисской конституции.¹⁵ Она стала в большей или меньшей степени образцом для создания вводных частей всех последующих конституций Испании. В ней учредители заявили о двух источниках власти короля: он правил по милости Бога и Конституции (в 1808 г. упоминался только Бог как источник власти, хотя на самом деле реальным источником был император французов). Характерная черта Конституции — постоянно подчёркиваемая приверженность испанцев католической религии, вплоть до объявления её государственной и единственно допустимой религией (ст. 12).¹⁶ В связи с этим учредителями закреплён и конституционный титул короля — Его Католическое Величество (ст. 169). Личность монарха объявляется священной и неприкосновенной (ст. 168).

Указание на второй источник королевской власти — Конституцию — явилось следствием уже признанного учредительным собранием верховенства нации при решении своей судьбы, а короля — по существу подданным, обязанностям подчиниться её воле. На принципе национального суверенитета («суверенитет по существу принадлежит нации» — ст. 3) базировался весь текст Кадисской конституции; он заменил собой свойственную абсолютизму идею королевского суверенитета. Признание нации сувереном означало, что она является единственным носителем учредительной власти. Суть этой миссии состояла в том, что принятие и изменение судьбоносных решений, в том числе конституции, рассматривалось в качестве её исключительного права, которое реализуется в деятельности учредительного собрания — генеральных и чрезвычайных кортесов (ст. 3). Поэтому решение о внесении изменений в Конституцию 1812 г. могут принять только кортесы, депутаты которых наделены специальными полномочиями (ст. 382). Ко-

¹⁴ См.: Ferrando Badia J. Vicisitudes e influencias de la Constitución de 1812. // Revista de Estudios políticos. 1962. № 126. P. 169–191.

¹⁵ Политическая конституция испанской монархии, промульгированная в Кадисе 19 марта 1812 г. — см.: Алексеева Т. А. Законодательство испанской революции 1808–1814 гг. СПб., 1996. С. 116–143.

¹⁶ Она совпала с формулировкой ст. 1 Байонской конституции.

роль не участвует в данном процессе, он лишь обязан опубликовать принятые изменения и распространить их среди должностных лиц и населения (ст. 384).

Вторым принципом, на котором базировался статус монарха, стало разделение властей. В соответствии с Конституцией законодательную власть осуществляют кортесы «совместно с королем» (ст. 15), исполнительная власть «вверяется королю» (ст. 16), право применять законы в гражданских и уголовных делах принадлежит судам (ст. 17). Следует заметить, что в части определения принципов испанский законодатель не избежал непосредственного французского влияния. Важнейшим юридическим источником Кадисского акта стал первый Основной закон Франции 1791 г.¹⁷ Несмотря на то, что, в отличие от французского законодателя 1791 г., Кадисские кортесы не объявляли о представительном характере его власти, король действительно представлял в качестве одного из учреждений наций конституционных органов, и его деятельность носила подзаконный характер.

Раздел IV «О короле» разделён на семь глав, объединяющих ст. 168–241: 1) «О неприкосновенности короля и о королевской власти», 2) «О наследовании короны», 3) «О несовершенности короля и о регентстве», 4) «О королевской семье и признании принца Астурийского», 5) «О дотации королевской семье», 6) «О министрах», 7) «О государственном совете». Перечень глав отражает тщательную конституционную проработку статуса монарха и обширный перечень его аспектов, нашедших отражение в Основном законе. Всё это станет предметом заимствования и последующими учредителями в Испании.

Кортесы тщательно определили компетенцию монарха не только путём предоставления ему исчерпывающего перечня прав (ст. 171), но и за претом совершать определённые действия (ст. 172). Декабрист Н. Тургенев после ознакомления с Кадисской конституцией пришёл к выводу: «Кортесы — всё, король — весьма немногое».¹⁸ С этим едва ли можно согласиться, поскольку, как отметил ещё А. Д. Градовский, испанскому королю были предоставлены права, «составляющие обыкновенно атрибуты исполнительной власти».¹⁹ При этом испанские исследователи часто обращают внимание на то, что его власть не является ни абсолютной, ни примиряющей (арбитражной).²⁰ Кадисский акт заложил традицию, ставшую харак-

¹⁷ На текстуальное совпадение формулировок двух Конституций неоднократно обращалось внимание в испанской литературе XIX в. (см., напр.: *Velez P. Apologia del Altar patria de España*. Т. 1. Madrid, 1818. P. 173–196; *Rico y Amat G. Historia política y parlamentaria de España*. Т. 1. Madrid, 1860. P. 334–337).

¹⁸ Цит. по: *Семевский В.И.* Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909. С. 244.

¹⁹ *Градовский А. Д.* Государственное право важнейших европейских государств // Собр. соч. Т. 4. СПб., 1900. С. 532.

²⁰ См.: *Caverro Lataillade I., Zamora Rodriguez T.* Constitucionalismo Historico de España. Madrid, 1995. P. 76.

терной чертой всех испанских монархических конституций, — отождествление короля с главой исполнительной власти, хотя, впрочем, это было прямо заимствовано из конституционного опыта Франции. Король назван единственным обладателем исполнительной власти (ст. 16, 170).

Таким образом, роль монарха в осуществлении публичной власти связана с реализацией функций, определённой, а следовательно, и ограниченной для него Конституцией. Поэтому, несмотря на трепетное отношение к личности короля со стороны законодателя, можно заметить, что королевская власть предстаёт как зафиксированная Основным законом должность и предполагает исполнение монархом обязанностей перед оказавшей ему доверие нацией.²¹

Кадисская конституция распространила власть короля «на всё, что касается сохранения публичного порядка внутри государства и безопасности государства извне в соответствии с конституцией и законами» (ст. 170); эти права с незначительными изменениями указаны во всех монархических конституциях. Создатели проекта Основного закона представляли короля только как «главу правительства и первое должностное лицо нации», подчёркивая при этом, что он «должен быть облачён поистине могучей властью, чтобы, будучи любимым и почитаемым в своём королевстве, уважаем и внушая страх за его пределы в дружественных и враждебных государствах».²² Однако это заявление не вполне соответствует тому, что было зафиксировано в тексте Конституции.

Участие короля в осуществлении законодательной власти сводится к его правомочиям санкционировать законопроект, принятый кортесами, и промульгировать закон в установленной форме. Авторы конституционного проекта подчёркивали, что право создавать законы «по существу принадлежит кортесам», а королевское присутствие в законодательном процессе — средство и гарантия исправления, извращения законов от «порывистости, которая обязательно преобладает в многочисленном органе».²³ В Конституции 1812 г. устанавливался 30-дневный срок, в течение которого он может воспользоваться этим правом; просрочка означает, что санкция короля получена (ст. 145). Конституция также предписывает точные формулировки королевских ответов: санкционируя закон, он должен своей рукой написать — «Опубликовать как закон» (ст. 143), отказывая в санкции — «Вернуть в кортесы» (ст. 144) и изложить причины своего решения. Отклонённый королем законопроект мог рассматриваться кортесами вновь лишь в следующем году (ст. 147). Так, король обладал правом отлагательного вето, впервые появившимся у президента США по конституции 1787 г. Однако здесь же очевидно и влияние Французской конституции 1791 г. Король может пользоваться своим правом в течение двух сессий кортесов.

²¹ См.: *Varela Suanzes-Carpegna J.* La teoria del estado en los origenes del constitucionismo hispanico (Las Cortes de Cádiz). Madrid, 1983. P. 123–124.

²² *Discurso preliminar*. P. 131.

²³ *Discurso preliminar*. P. 130–131.

Если же дважды отклонённый им законопроект будет принят представителем органом на третий год, то считается, что королевское вето опротестовано, а законопроект получил необходимую санкцию и подлежит введению в действие (ст. 148, 149). Последняя стадия законотворческого процесса — промульгация закона — также относилась к компетенции монарха, но он мог осуществить её независимо от своей воли — в форме, категорично и точно предписанной Конституцией (ст. 155).

Король также наделялся правом нормотворчества: он мог издавать декреты, распоряжения, инструкции, имеющие подзаконный характер, подлежащие, по его мнению, для исполнения законов. Кроме того — правом объявлять войну и заключать мир, назначать судей, гражданских и военных должностных лиц, присваивать в соответствии с законом звания и знаки отличия. Король являлся верховным главнокомандующим, осуществлял дислокацию вооружённых сил и назначал генералитет. Он представлял Испанию в международных отношениях, руководил дипломатическими и торговыми отношениями с зарубежными странами, назначал послов, консулов. Монарх осуществлял контроль за выпуском денег, на которых должны были быть помещены его портрет и имя, определял расходы на управленческий аппарат, обладал правом помилования преступников.

Кадисский законодатель определил правовой статус монарха не только путём предоставления ему исчерпывающего перечня прав (ст. 171), но и запретом совершать определённые действия (ст. 172). Так, король ни под каким предлогом не мог препятствовать созыву кортесов, откладывая и приостанавливая их заседания, распускать их, мешать их деятельности. Без согласия кортесов он не мог покинуть королевство, отречься от престола, распорядиться испанской территорией, заключать наступательные союзы, торговые договоры, договоры займа с иностранными державами, отчуждать государственное имущество, вступать в брак. Ему также не позволялось устанавливать налоги и вводить пошлины, проводить конфискацию имущества испанцев, вмешиваться в осуществление ими права собственности, по своему усмотрению лишать кого бы то ни было свободы и подвергать наказанию. За нарушение ряда запретов предписывалось признавать короля отречённым от трона.

При вступлении на престол король должен был принести клятву кортесам, текст которой определялся Конституцией (ст. 173). В ней устанавливался и возраст, по достижении которого глава государства признавался совершеннолетним, — 18 лет (ст. 185). В период его несовершеннолетия, а также в случае его недееспособности должно было учреждаться регентство — институт, существовавший в Испании ещё в Средние века. Его формирование отнесено к правомочиям чрезвычайных кортесов (ст. 192). Институт регентства предполагал троих — пятерых членов, один из них по решению кортесов назначался его президентом (ст. 193, 194). Регентство подконтрольно представительному органу. Оно осуществляло бы полно-

мочия короля от его имени, но в пределах, определённых кортесами (ст. 195); они же определяют размер жалования регентам (ст. 200).

Специальная глава конституции посвящена вопросам наследования престола. В ней во второй раз объявляется, что «королём Испании является ныне царствующий сеньор дон Фернандо VII Бурбон» (ст. 179). Наследование престола осуществляется по принципу первородства (ст. 174), однако кортесы вправе исключить из числа наследников лиц, которые не способны управлять государством или совершили действия, исключающие их права на престол (ст. 181).

Именно кадисский законодатель посчитал необходимым оставить для наследника престола традиционный титул принца Астурийского, а для других сыновей и дочерей и детей наследного принца — инфантов Испании (ст. 201—203). Кортесы признают принца Астурийского сразу же после его рождения, их регламент должен предусмотреть все формальности этой процедуры. Достигнув 14-летнего возраста, принц Астурийский приносит кортесам клятву, предусмотренную Конституцией (ст. 212).

Кадисский законодатель отверг положение, что доходы государства являются собственностью монарха и его семьи.²⁴ Конституция зафиксировала правило: в начале каждого правления кортесы устанавливают ежегодную дотацию королю для содержания его двора (ст. 213). Кортесы назначают ежегодное содержание также принцу Астурийскому со дня его рождения и инфантам по достижении ими 7-летнего возраста, а инфантам при замужестве определяют сумму приданого, прекращая выплату ежегодного содержания. Все выплаты пособий членам королевской семьи назначаются кортесами в начале правления каждого нового короля и не могут быть изменены в течение всего правления (ст. 220).

Неприкосновенность личности монарха означала недопустимость привлечения его к юридической и политической ответственности. Причина тому — его особая миссия. Но в конституционной монархии он как любое должностное лицо или государственный орган обязан действовать в соответствии с законом. Потребность гарантировать эту обязанность обусловила необходимость заменить короля при наличии оснований для привлечения его к ответственности, тем самым, компенсируя его безответственность. Гарантней такой замены стало правило контрасигнатуры (ст. 225), подписывавшаяся министром, к компетенции которого относится данный вопрос, только после этого они приобретают юридическую силу.

Монарх осуществляет исполнительную власть с помощью конституционно оформленных должностных лиц — министров. Именно они должны, по мнению «отцов» Основного закона, сделать эффективной ответственность правительства и обеспечить нормальное функционирование королевской власти, поскольку «в действительности вся она находится в ру-

²⁴ Discorso preliminar. P. 134.

как министров». ²⁵ Семь министров, назначаемых на должность и освобожденных от должности королём, не объединены в единый коллегияльный орган, а представляют собой проводников воли короля в отдельных областях государственного управления и перечислены исчерпывающим образом в тексте Основного закона (ст. 222), подобно тому, как это было сделано в Байонском акте (ст. 27). Однако в последнем этот список, сформированный императором, мог быть скорректирован королём лишь незначительно: он мог объединить, если сочтёт это целесообразным, министерство по церковным делам и министерство юстиции, министерство полиции и министерство внутренних дел (ст. 29). Согласно Кадисской конституции, организация системы отраслевых органов государственного управления изъята из сферы ведения монарха и отнесена к компетенции кортесов, уполномоченных на проведение необходимых изменений в системе министерств (ст. 222). Они же определяют компетенцию каждого министра (ст. 224) и устанавливают размер их жалования (ст. 230).

Определяя правовой статус министров, Кадисские кортесы, несомненно, учитывали опыт Конституции 1791 г. Король назначает на должность министров только полноправных граждан Испании; иностранцы ни в коем случае не могут быть министрами (п. 16 ст. 171). Реализуя идею разделения властей, законодатель запрещает совмещать министерскую и депутатскую деятельность (ст. 223). В Конституции особо акцентируется внимание на обязанности министров представлять смету предполагаемых расходов по своей отрасли управления и отчет о произведенных расходах (ст. 226).

Очевидно, что министры ответственны исключительно перед монархом. Вместе с тем, Кадисская конституция закрепила персональную ответственность министров за приказы короля, которые противоречат Конституции и законам, при этом подчеркивалось, что они не могут ссылаться на его волю (ст. 226). В Основном законе определялся порядок привлечения министра к уголовной ответственности; о политической ответственности министров вопрос еще не ставится (ст. 229).

При короле предполагался и консультативный орган – Государственный совет (он был предусмотрен и Байонской конституцией). Состав его формируется самим монархом, хотя и по предложению кортесов, из тройного списка лиц, принадлежащих к определённым в Конституции социальным группам (ст. 232). Король обязывался прислушиваться к мнению Совета при решении важных государственных дел, прямо указанных в Конституции. Некоторые депутаты были склонны видеть в этом органе подобие желанной для них второй аристократической палаты. Либералы же были против такой интерпретации, в том числе и опасаясь аналогий с сенатом Франции по Конституции 1799 г. и сенатом по Байонской конституции.

²⁵ Discurso preliminar. P. 134.

туции. Вместе с тем учреждение Государственного совета было вызвано и намерением предотвратить появление камариллы при монархе. ²⁶

Основной закон 1812 г. также заложил основы взаимодействия главы государства и судебной власти. Правосудие осуществляется от имени короля (ст. 257) как высшего должностного лица нации. ²⁷ Судьи назначаются королём по представлению государственного совета (п. 4 ст. 171) из числа уроженцев Испании, достигших 25-летнего возраста (ст. 251).

11 ноября 1813 г. Наполеон, не сумев покорить Испанию, заключил с Фернандо VII договор. По договору королю «возвращался» испанский престол. Либералы в кортесах настаивали на принесении королём присяги в соответствии с Конституцией 1812 г., прежде чем он приступит к управлению государством. Однако Фернандо VII, вернувшись в Испанию, желая править как абсолютный монарх, получил поддержку своих абсолютистских стремлений как со стороны значительной части населения, так и со стороны депутатов кортесов. Поэтому 4 мая 1814 г. он издал декрет, в котором Конституция 1812 г. объявлялась «порождением французской революции, анархии и террора», а акты кортесов аннулировались. Одновременно был опубликован акт о роспуске кортесов. ²⁸ В Испании вновь наступило время абсолютизма.

Российский историк В.К. Пискорский, сравнивая реставрацию Бурбонов во Франции и Испании, обращал внимание на то, что Людовик XVIII в 1814 г. не осмелился и мечтал о полной реставрации дореволюционного порядка. Фернандо VII стремился не только к восстановлению своего самодержавия, но и той политической системы, которая господствовала в Испании еще до проведения просветительских реформ его отцом Карлом III в XVIII в. ²⁹

После шести лет абсолютистского правления (1814–1820 гг.) Фернандо VII в ходе начавшейся революции всё же 9 марта 1820 г. присягнул на верность Конституции 1812 г. Но 1 октября 1823 г., после вхождения в Мадрид французских войск, вновь был восстановлен в своих правах как неограниченный монарх. Как и в 1814 г., в Испании началась реакционная пора, продолжавшаяся около 10 лет (1823–1833 гг.), до самой смерти Фернандо VII.

Испания – конституционная монархия (1834–1868 гг.). Превращение Испании в конституционное государство, а его главы – в конституционного монарха происходит на втором этапе конституционного развития страны (1834–1868 гг.). Он полностью совпадает с периодом правления Изабеллы II, в течение которого в стране действовало несколько Основных

²⁶ Discurso preliminar P. 139.

²⁷ Discurso preliminar P. 140.

²⁸ Манифест и декрет Фернандо VII см.: Sevilla Andres D. Constituciones y otras leyes y

proyectos políticos en España. T. 1. P. 227.

²⁹ См.: Пискорский В. К. Очерк социально-политической эволюции Испании в XIX в. // П. История Испании и Португалии. М., 2002. С. 167.

законов: Королевский статут 1834 г., Кадисская конституция, Конституция 1837 г., Конституция 1845 г. Кроме того, была лишь принята, но не введена в действие Конституция 1856 г. («нерождённая»).

Третья, и на этот раз удачная, попытка перехода от абсолютизма к конституционализму была закреплена Королевским статутом 1834 г. Это стало возможно после смерти Фернандо VII, последовавшей 29 сентября 1833 г. 3 октября 1833 г. было опубликовано его завещание, в котором он назначил свою жену Марию Кристину де Бурбон правительницей королевства, регентшей на время несовершеннолетия их дочери Изабеллы II.

На испанский престол претендовал также брат умершего короля — Дон Карлос. Его надежды на трон были основаны на бездетности трёх браков Фернандо VII. Однако в четвёртом браке, в 1830 г., у королевской четы появился ребёнок — дочь Изабелла. После смерти монарха не согласный с его завещанием дон Карлос объявил себя законным королём и начал военные действия. Гражданская война, вошедшая в историю под именем Первой «карлистской», в общей сложности длилась семь лет.

В первые семь лет 35-летнего правления Изабеллы II власть монарха осуществляла Мария Кристина. Её политические взгляды мало чем отличались от политического идеала сторонников Дона Карлоса, именовавшихся с 1827 г. «карлистами». Последние были сторонниками абсолютизма, их поддерживали правительства Австрии, Пруссии и России. Поэтому Мария Кристина, весьма далёкая от конституционных идей, была вынуждена искать союзников среди противников Дона Карлоса, т.е. главных оппонентов либералов, выступавших за введение в Испании конституционного правления, а на международной арене опираться на Англию, Францию и Португалию.

Мария Кристина вынуждена была под давлением своих сторонников провести некоторые либеральные реформы, прежде всего, подписать 10 апреля 1834 г. Королевский статут «О созыве генеральных кортесов»,³⁰ разработанный назначенным главой правительства Мартинесом де ла Роса. Статут стал манифестом испанского «умеренного» либерализма,³¹ так как его текст был создан представителем «умеренных» (или «доктринарных») либералов (*moderados*), объединившихся в 1834 г. в свою партию, отличную от «прогрессистов» — радикальных либералов (*progresistas*). Все конституции, принимавшиеся в этот период (1834—1868 гг.) явились результатом борьбы этих двух групп и победы одной из них.

В небольшом (по сравнению с Кадисской конституцией) по объёму акте (50 статей сгруппированы в 5 разделов и предварены преамбулой и особым декретом) не определялась форма правления Испании, нет раздела, посвящённого королю, специально не определялся его статус, prerogativas

³⁰ См.: Estatuto Real para la convocacion de las Cortes Generales del Reino, mandado observer por S. M. la Reina Gobernadora en 10 de abril de 1834. // Constituciones Historicas. P. 83—87.

³¹ См.: Diez del Corral. El liberalismo doctrinario. Madrid, 1956. P. 440—442.

и порядок наследования престола. Очевидно, что Мария Кристина (как и Людовик XVIII) не желала допустить, чтобы юридически были оформлены её права и prerogativas короны: «Такое перечисление могло бы ослабить представление о власти короля как власти первичной, неограниченной, и породить мнение, будто prerogativas короны имеют своим источником закон». Правовой статус регентства в акте 1834 г. не очерчивался, т.е. регент никоим образом не стремился установить законные границы своей власти, отличные от королевской.

Статут — акт, *октроированный* королевой-правительницей. Он похож на французскую Хартию 1814 г. не только формой принятия, но и декларируемыми основами государственности и оформляемыми институтами. В преамбуле его введение обосновывается лишь желанием восстановить «основные законы монархии», что сближает Статут и Хартию по их идейным основам.³² Создатели первого решительно отказывались от претензии на создание конституционного закона, от введения новых принципов политической жизни и учреждения ранее не существовавших государственных органов. Авторы проекта Статута ссылались при этом на действовавшее в Испании право и забытые законы (ст. 1). Регент в своём действовании провозглашал Статут, объявляя его «Статутом о созыве генеральных кортесов», подчеркнув намерение реставрировать некогда существовавшее в стране учреждение. Очевидно, что на такую скромную оценку современников и рассчитывали его создатели.³⁴

В отличие от Хартии 1814 г., Статут прямо не упоминал принцип королевского суверенитета, декларированного в преамбуле французского акта, но при этом в его тексте не упоминалось и о национальном суверенитете — основе Кадисской конституции. В связи с этим в испанской историко-

³² Алексеев А. С. К вопросу о юридической природе власти монарха в конституционном государстве. Ярославль, 1910. С. 2.

³³ См.: Конституционная Хартия 4 июня 1814 г. // Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII—XIX вв. М., 1957. С. 438—446.

³⁴ В современной испанской историко-правовой литературе Статут получил скромную оценку. А. Торрес дел Моррал объединяет всех историков права по их отношению к Статуту в две группы: первые рассматривают его в основном как королевский акт, объявляющий о созыве Кортесов, хотя и содержащий отдельные конституционные нормы; вторые (и их большинство) оценивают Королевский статут как закон о кортесах и их месте в политической системе (Torres del Moral A. Constitucionalismo historico español; Madrid, 1999. P. 89). Томас-и-Вальенте, обращая внимание на отсутствие в Статуте декларации прав и форму его принятия, отказывается признать его Конституцией и считает его лишь октроированной хартией (Thomas y Valiente F. Manual de historia del derecho español. Madrid, 1995. P. 443). Х. Томас Бальарройя рассматривает Статут как органическую часть конституции, подобную конституционным законам Третьей республики Франции (Thomas Villarroja J. Breve historia del constitucionalismo español. Barcelona, 1976. P. 122). Вместе с тем никто не подвергает сомнению учредительный характер Королевского статута и его большое значение в истории испанского конституционализма. Поэтому трудно согласиться с ремаркой о спорности его «подинной... конституционности», появившейся в отечественной литературе (Мелушевский А. Н. Теория конституционных циклов. М., 2005. С. 162).

правовой литературе нередко признаётся в качестве базового принципа кортесов», который найдёт свое явное выражение в Конституциях 1845 и 1876 гг. Некоторые современники, а затем и историки права представляли его сущностью «внутренней» (т.е. исторической) конституции Испании. Согласно этой точке зрения, монарх и кортесы — два элемента исторической конституции страны. Вместе они вправе принимать наиболее судьбоносные для нации политические решения. Эту идею в 30-е годы XIX в. проповедовали «умеренные».³⁵

Представляется, что Статут всё-таки базируется на принципе королевского суверенитета. Мария Кристина, следуя примеру Людовика XVIII, издала «не основной закон, обнимающий все стороны государственного порядка и устанавливающий новые начала политической жизни, а королевский указ, стоящий на почве старого порядка и вносящий в него лишь частичные изменения».³⁶ Регент продемонстрировала признаваемый за монархом суверенитет, передав посредством Статута лишь некоторые кортесские полномочия другим государственным органам. Всё это выглядело как предоставление другим государственным органам. Всё это выглядело как предоставление, сделанные короной, и было адекватно взглядам значительной части испанского общества, не готового к радикальным политико-правовым переменам. Происхождение Статута, форма его принятия существенно отличали его от первой Конституции страны.

Подобно французской Хартии 1814 г., в Статуте не признавался и принцип разделения властей. Автор проекта, председатель правительства Мартинес де ла Роса, выступая в нижней палате, подчёркивал, что целью хорошего политического режима является установление связей между личными властями, которые взаимодействуют, не мешая друг другу. Поэтому принято считать, что в акте 1834 г. отражена идея «сотрудничества властей».³⁷

В связи с учреждением (по тексту — реставрацией) двухпалатных кортесов, обнаруживающих сходство с английским парламентом и представителем данному учреждению некоторые полномочия, принадлежавшие Короне в период абсолютизма, что и было законодательно оформлено Статутом. Особенностью законодательной техники эпохи Изабеллы II было использование термина «король», а не «королева» при обозначении абстрактного главы государства, о женщине же упоминалось лишь в связи с упоминанием её имени.

³⁵ Sanchez Agesta L. Historia del Constitucionalismo español (1808—1936). Madrid, 1984. P. 191.

³⁶ Алексеев А. С. К вопросу о юридической природе власти монарха в конституционном государстве. С. 1 — 2.

³⁷ См.: Tomas Villarroja J. Breve historia del constitucionalismo español. P. 35.

³⁸ Fernandez Segado. Las Constituciones historicas españolas. Madrid, 1992. P. 131.

По Королевскому статуту монарх приобрёл и новые полномочия. Он формирует назначаемую часть верхней палаты кортесов — палаты пэров, президентов и вице-президентов верхней палаты не ограничивается (ст. 9), назначает нижней палаты — из числа предложенных депутатами кандидатур (ст. 12) и

В пятом разделе «Общие положения» (ст. 24—50) определены некоторые принципы взаимоотношений короля и кортесов. Исключительным правом монарха объявляется созыв кортесов, однако в ряде случаев это становится его обязанностью (ст. 27—30, 35, 44). Королева определяет дату, место их заседаний, а также вопросы, подлежащие их рассмотрению (ст. 24—25). Кортесы не могут рассматривать ни один вопрос, рассмотрению сформулированный в королевском декрете об их созыве (ст. 31).

Статут закреплял за королём право созвать представительный орган, распустить его, а также и приостановить его заседания. Вместе с тем, в случае роспуска, королю вменяется в обязанность созвать новые кортесы в течение года (ст. 44). Приостанавливая их деятельность, он обязан определить в декрете и дату её возобновления (ст. 39). Учитывая положения ст. 35, можно предположить, что такая отсрочка не могла бы продолжаться более двух лет.

В Статуте допускается ограничение кортесами королевской власти лишь в двух сферах: законодательство (ст. 33) и налогообложение (ст. 34—36). Так, право законодательной инициативы принадлежит исключительно монарху (ст. 31), при этом за представительным органом признаётся лишь право на петицию (ст. 32). Однако закон нуждается в его одобрении лишь ми палатами. За королевой закрепляется право санкционировать законы с правом абсолютного вето (ст. 33). Всё это существенно отличает Статут от Конституции 1812 г. Предложение о вотировании налогов может исходить только от короля и должно получить одобрение кортесов (ст. 34), при этом налоги устанавливаются представительным органом на двухлетний срок (ст. 35).

В акте 1834 г. впервые законодательно признаётся наличие правительства (совета министров) как коллегиального органа, возглавляемого председателем (ст. 26, 37, 40). Статус правительства чётко не определяется, однако, очевидно, что оно коллективно выполняет функции, ранее выполнявшиеся министрами. Как и в первой конституции страны, ранее выполнял функцию министр финансов, однако оно связано с подписанием главой совета министров только четырёх видов актов короля — об открытии и закрытии сессий кортесов, их приостановлении и роспуске (ст. 26, 37, 40).

Примечательно, что по Статуту принятию решения о вотировании налогов принадлежит особая предварительная процедура проверки расходов кортесам данные о состоянии подведомственных отраслей управления, после чего министр финансов должен представить проект сметы расходов и

способы их покрытия, т.е. проект бюджета (ст. 36). Это правило стало основой для контроля представительного органа за деятельностью правительства. Той же задаче служило и право депутатов обратиться к королю с петициями. Данные положения стали основой для появления принципиально нового элемента в политическом развитии страны. Историки испанского конституционализма единодушно признают то, что после издания Статута конституционной практикой стала необходимость «двойного» доверия совету министров: он должен был пользоваться поддержкой со стороны короля и кортесов.³⁹ На практике получил развитие и принцип «ответственного правительства».⁴⁰

Королевский статут 1834 г., далёкий от совершенства по своим юридическим качествам, выполнил свою миссию: он стал временной и реальной Конституцией, обеспечил переход Испании к конституционному правлению, превращение королевы в конституционно ограниченную правительницу. Кроме того, Статут ввёл в политическую жизнь Испании некоторые новые конституционные институты, существовавшие на тот момент в развитых странах.

Положения Статута не только были реализованы, но и получили дальнейшее развитие в конституционной практике. 20 мая 1834 г. Мария Кристина издала декрет о созыве кортесов. В палате представителей союзные кортесов оказались сильны позиции либералов, выступающих с предложениями о проведении дальнейших конституционных реформ, в частности, о разработке декларации прав и свобод.

Принятию четвёртого в конституционной истории Испании Основного закона предшествовало «смутное время»: народные антилиберальные и антиправительственные выступления, смены правительств, роспуск кортесов, армейские выступления (*pronunciamientos*). 13 августа 1836 г. в результате восстания гарнизона в королевском дворце Ла Гранжа Мария Кристина была вынуждена провозгласить в третий раз в испанской истории Кадисскую конституцию. Декретом от 21 августа 1836 г. она объявила о созыве учредительных кортесов и проведении выборов в порядке, установленном Основным законом 1812 г. Обращаясь к кортесам, регент Мария Кристина, сформулировала перед ними задачу пересмотреть Кадисскую конституцию. Идея «ревизии» Кадисского текста была воспринята конституционной комиссией,⁴¹ которая и представила свой проект как «изменённую» Конституцию 1812 г., о чём говорилось в его преамбуле.⁴²

³⁹ См.: Sanchez Agesta L. Perfiles historicos de la monarquia constitucional // Revista de Estudios Políticos. 1987. № 55. P. 14.

⁴⁰ См.: Torres del Moral A. Constitucionalismo historico español. P. 63.

⁴¹ См.: Baro Pazos J. Hacia la consolidación del regimen parlamentario en España: el Congreso de los Diputados en la Constitución de 1837 // Revista de Estudios Políticos. 1987. № 57. P. 55.

⁴² См.: Constitución de la Monarquía Española de 8 de junio de 1837. // Constituciones Históricas. P. 89–99.

Несмотря на то, что большинство в учредительном собрании составили депутаты от партии «прогрессистов», проект Конституции был разработан комиссией, в состав которой вошли и «умеренные». Поэтому она стала результатом идейного и политического компромисса, достигнутого представителями этих политических групп. «Прогрессисты» объединили в основном представителей молодого поколения либералов и были приверженцами национального суверенитета и парламентской монархии, с которыми относились к Кадисской конституции и в то же время они знали и ценили современный им конституционный опыт других государств. Один из их лидеров С. Олосага считал, что для осуществления принципа национального суверенитета в Испании должен быть король, подобный английскому, которого «прогрессисты» рассматривали в качестве должностного лица государства. При этом они различали конституционную и парламентскую монархии, обращая внимание на то, что в первом случае король «участвует вместе со страной в управлении государством, в то время как во втором страна (т.е. народ) самоуправляется».⁴³ Примечательно, что «прогрессисты» обсудили проблему зависимости правительства от подержки большинства в кортесах и принцип «ответственного» правительства. Поэтому считается, что истоки парламентской монархии современной Испании обнаруживаются в дискуссиях учредительного собрания 1836–1837 гг.⁴⁵ «Прогрессисты» привнесли в текст Основного закона, помимо принципа национального суверенитета, право кортесов определять порядок престолонаследия и некоторые другие. «Модератос», как и либералы старшего поколения (самый выдающийся представитель – А. Аргуэльес, один из «отцов» Кадисской конституции), разделяли идею «совместного (разделённого) суверенитета двух субъектов», опасались революционных событий и чрезмерно либеральных идей.⁴⁶ Поэтому Конституция 1812 г. для «умеренных» стала «надоевшим наследством»,⁴⁷ Их политическим идеалом была конституционная монархия с незначительными ограничениями королевской власти. «Модератос» стремились к взаимодействию с католической церковью, восхваляли «историческую» конституцию страны. В тексте Основного закона 1837 г. отразилось стремление «умеренных» к усилению королевской власти (по сравнению с 1812 г.), которое нашло выражение в положении об абсолютном вето короля, признании за монар-

⁴³ См.: Varela Suanes J. La Constitución Española de 1837: una constitución transaccional. // Revista de Derecho Político. 1983–1984. № 20. P. 97.

⁴⁴ Colomer Viadel A. La monarquía parlamentaria en España // Revista de Estudios Políticos. 1978. № 3. P. 103.

⁴⁵ См.: Colomer Viadel A. La monarquía parlamentaria en España // Revista de Estudios Políticos. 1978. № 3. P. 103, 107.

⁴⁶ См.: Varela Suanes J. El pensamiento constitucional español en el exilio: el abandono del modelo doceañista (1823–1933) // Revista de Estudios Políticos. 1995. № 8. P. 90.

⁴⁷ Cp.: Crónica parlamentaria de la Constitución de 1837. Prep. por M. Victoria García-Atance // Revista de Derecho Político. 1983–1984. № 20. P. 173–174.

хом права созывать и распускать парламент, приостанавливать и закрывать их сессии, назначать президента и вице-президента сената.

В результате совместной работы «прогрессивистов» и «умеренных» и достигнутого ими идейного компромисса, учредительные кортесы приняли новую конституцию, серьёзно отличающуюся от Кадисской, и представившую собой компромисс между нею и Королевским статутом,⁴⁸ который она и заменила. Кроме того, новый Основной закон был явно вдохновлён конституционным опытом других европейских государств, среди которых, прежде всего, следует отметить Конституционную хартию Франции, 1830 г. и Конституцию Бельгии 1831 г.

Конституция 1837 г., как и Кадисская конституция, — акт учредительной власти, однако в испанской историко-правовой литературе в связи с её компромиссным характером, нередко делается вывод о её якобы договорном характере.⁴⁹ Истоки такой оценки (что весьма типично для договорно-исторической истории Испании) — в объяснениях её создателей. 18 июня 1837 г. королева-правительница признала Основной закон и приняла клятву от имени своей дочери Изабеллы. Действительно, он был принят учредительным собранием, и присяга могла означать лишь согласие Марии Кристины на правление в соответствии с условиями Конституанты.

Форма правления в тексте чётко не называлась, как это было сделано в Конституции 1812 г. Очевидно, что она не изменилась. Национальный суверенитет и разделение властей стали, как и в Кадисской конституции, основными принципами акта, оказавшими влияние на статус главы государства. Однако о суверенитете, явно в угоду «умеренным», упоминается в Конституции 1837 г. лишь в преамбуле и исключительно для обоснования деятельности самих учредительных кортесов, которые «по воле нации» перешли к Основному закону. Идея не нашла развития в последующем тексте, как это было в 1812 г. Это объясняется тем, что авторы проекта не считали нужным иметь юридические последствия.⁵⁰

Ещё одно отличие от Кадисского акта состояло в том, что в 1837 г. чётко не провозглашается принцип разделения властей, хотя его присутствование обнаруживается в ст. 12, 45 и 63. Более того, законодатель сделал акцент на сотрудничестве и взаимодействии властей. В этом смысле можно согласиться с высказанным мнением о том, что «прогрессивисты» сделали акцент на сотрудничестве и взаимодействии властей. В этом смысле можно ли идею «модератос» о предоставлении короне «власти умеряющей и сдерживающей». Последние же заимствовали эту мысль, с одной стороны, у Б. Константа, с другой стороны, из Конституции Бразилии 1824 г., в которой власть императора определялась как «посредническая».⁵¹

⁴⁸ См.: Tomas Villarroja J. Breve historia del constitucionalismo español. P. 52.

⁴⁹ См.: Tomas Villarroja J. Breve historia del constitucionalismo español. P. 52.

⁵⁰ Tomas Villarroja J. Breve historia del constitucionalismo español. P. 50.

⁵¹ См.: Colomer Viade A. La monarquía parlamentaria en España // Revista de Estudios Políticos. 1978. № 3. P. 103.

Статус монарха определяется, как и в Кадисской конституции, в специальном разделе VI «О короле» (ст. 44–49).⁵² Из её текста учредителями 1837 г. были взяты положения об источниках королевской власти и в правах монарха. Королем вручается, как и прежде, исполнительная власть (ст. 44), его личность «священна и неприкосновенна», за его ошибку несут ответственность министры (ст. 45). Правовое положение монарха определяется, как и в Кадисской конституции, исчерпывающим перечнем его прав (ст. 47) и запретом совершать определённые действия (ст. 48).

Права короля могут быть объединены в несколько групп. Первую образуют осуществляемые им по отношению к кортесам права созывать, открывать, приостанавливать и закрывать их заседания, распускать конгресс депутатов (но не кортесы) (ст. 26), в чём обнаруживается влияние Королевского статута 1834 г. Однако реализация этих прав до 1 декабря, они самостоятельно собираются в этот день; и если в тот же год заканчивается срок полномочий депутатов, в первое воскресенье октября проводится выборы депутатов (ст. 27). А в случае роспуска конгресса три ближайших месяца (ст. 26).

По-прежнему монарх участвует в формировании верхней палаты представительного органа, которая стала называться сенатом. Однако он делает свой выбор из списка, состоящего из тройного числа кандидатов предложенных выборщиками, которые в каждой провинции избирают депутатов кортесов (ст. 15). Количество его членов равно трём пятым от числа депутатов (ст. 14). Также предусматривается право короля назначить только президента и вице-президента сената (ст. 31). Очевидно, эти prerogative — серьёзные способы его воздействия на представительный орган, на которых и настаивали «умеренные». В то же время деятельность конгресса депутатов отличается большей самостоятельностью, — в этом законодатель отказывается от влияния Статута 1834 г.

Ко второй группе могут быть отнесены полномочия короля, связанные с его участием в законодательном процессе: ему принадлежит право законодательной инициативы наряду с членами палат (ст. 36), он санкционирует и промульгирует законы (ст. 46), при этом он может применить абсолютное вето. Хотя, следует отметить, последнее право критиковалось депутатами во время обсуждения проекта Основного закона.⁵³ Монарху также принадлежало право издавать декреты, регламенты и инструкции, необходимые, по его мнению, для исполнения законов (п. 1 ст. 47).

Конституция 1837 г., более обстоятельная по сравнению с Королевским статутом, но менее многословная по сравнению с Конституцией 1812 г., состояла из введения и 77 статей, объединённых в 13 титулов, и двух дополнительных статей.⁵⁴ См.: Baro Pazos J. Hacia la consolidación del regimen parlamentario en España // Revista de Estudios Políticos. 1987. № 57. P. 75.

⁵² Конституция 1837 г., более обстоятельная по сравнению с Королевским статутом, но менее многословная по сравнению с Конституцией 1812 г., состояла из введения и 77 статей, объединённых в 13 титулов, и двух дополнительных статей.

⁵³ См.: Baro Pazos J. Hacia la consolidación del regimen parlamentario en España // Revista de Estudios Políticos. 1987. № 57. P. 75.

сти министров (п. 10 ст. 47), исследователи испанской конституции обращают внимание на то, что это стало проявлением уже утвердившейся к тому моменту «двойной» ответственности министров перед королём и кортесами, надолго прижившейся в Испании. Некоторые авторы называют такую монархию дуалистической или «орлеанистской» парламентской монархией, так как она возникла во Франции во время Июльской революции.⁵⁵ Действительно, несмотря на то, что по Конституции министры по-прежнему несли исключительно уголовную ответственность перед кортесами, на практике политическая ответственность правительства стала реальностью.⁵⁶

Действие Конституции 1837 г. не было столь долгим и восторженным, как казалось бы, можно было ожидать. Вскоре после её принятия Мария Кристина отправила в отставку правительство «прогрессистов». Каждое из назначенных впоследствии правительств отличалось большим консерватизмом по сравнению с предыдущим. Политика регента и министров, направленная на отказ от реформ, вызвала серьёзное недовольство в стране. Санкционирование закона о муниципалитетах, введённого назначаемых алькальдов в столицах провинций, спровоцировало 1 сентября 1840 г. волну недовольства в стране. Очередное выступление военных подтолкнуло правительство к назначению председателем правительства лидера «прогрессистов» генерала Эспарtero, ставшего популярным во время «карлистской» войны.

Последствия событий для регента и монархии в Испании деликатно и точно оценил А. Д. Градовский: «Непопулярная как правительница, она дала много поводов к осуждению своего поведения и в других отношениях. Её открытая связь с бывшим гвардейским офицером Муньосом, пожалованным титулом герцога Риансареса, лишила её последнего уважения». В октябре 1840 г. Мария Кристина была вынуждена отречься от регентства и уехать во Францию.

Собравшиеся кортесы 8 октября 1843 г. объявили регентом Эспартеро. Однако талантливый генерал оказался неспособным к управлению государством. Его политика вызвала недовольство по всей стране и спровоцировала выступление военных, которые летом 1843 г. начали наступление на Мадрид. 23 июля армия под командованием генерала Нарваэса вошла в столицу. После почти трёхлетнего нахождения в должности Эспартеро вынужден был 30 июля 1843 г. покинуть территорию страны и направиться в Англию, правительство которой оказывало ему поддержку. Вследствие очередного прунунсиамьенго 8 ноября 1843 г. Изабелла в 13-летнем воз-

⁵⁵ См.: Sanchez Agesta L. Perfiles históricos de la monarquía constitucional. P. 14; Жакс Ж.-П. Конституционное право и политические институты. М., 2002. С. 227.

⁵⁶ См.: Clavero B. Manual de historia constitucional de España. Madrid, 1990. P. 64.

// Собр. соч. Т. 4. С. 609.

Третья группа полномочий связана с его деятельностью как главы исполнительной власти: он осуществляет командование вооружёнными силами, заботится о выпуске монеты, распределяет фонды между различными отраслями государственного управления, назначает на должности государственных служащих и предоставляет звания и знаки отличия (ст. 47).

Четвёртая группа полномочий соответствовала роли монарха как главы государства. Он осуществлял помилование преступников, объявлял войну и заключал мир, предоставлял об этом отчёт кортесам, поддерживал дипломатические и торговые отношения с другими державами (ст. 47).

Королевская власть, справедливо замечал испанский исследователь Соле Тура-и-Аха, ограничивалась, но это делалось без того «недоверия», которые были свойственны первой национальной Конституции.⁵⁴ Законодатель отказался от многих ограничений королевской власти, содержащихся в Конституции 1812 г. В последней (ст. 172) их было двенадцать, в Конституции 1837 г. (ст. 48) — лишь шесть. Кроме того, учредители смигчили саму формулировку ограничений, указав, что король «нуждается в специальных полномочиях в соответствии с законом» для того, чтобы отказать от какой-либо части испанской территории, допустить иностранную войска на территорию страны, заключить союзные, торговые и кредитные договоры с иностранными государствами, выехать за пределы королевства, вступить в брак, отречься от престола. Так, учредители отказались от согласия кортесов на совершение указанных действий и связали их правомерность с законами, в создании которых должен принимать участие сам король.

Подобно Кадисской конституции, Основной закон 1837 г. подробно регламентировал порядок престолонаследия (раздел VII «О наследовании короны») (ст. 51–55), содержал положения о малолетнем короле (таковым он считался до достижения 14-летнего, а не 18-летнего возраста, как ранее) и о регентстве (раздел VIII, ст. 56–60). Это было связано не столько с желанием поставить под законный контроль осуществление королевской власти, сколько с конкретными условиями династического конфликта, гражданской войны, несовершенством Изабеллы II.

В акте не содержалось положений о правительстве как о коллегияльном органе. Эта деталь, демонстрирующая отход от опыта 1834 г., подерживала тезис о переработке в 1837 г. Кадисской конституции. Раздел IX «О министрах» состоял всего лишь из двух статей. Первая из них воспроизводила известное правило контрасигнации (ст. 60), вторая же — впервые в истории испанского конституционализма позволяла министрам быть сенаторами или депутатами и принимать участие в дебатах в обеих палатах кортесов, при этом они могли участвовать в голосовании только в той, членами которой являлись (ст. 61). Сравнительно последнее и закреплённой за королём prerogativa назначать на должности и освобождать от должностей

⁵⁴ См.: Sole Tura y Aja. Constituciones y periodos constituyentes en España. 1808–1936. Madrid, 1977. P. 35.

расте была провозглашена совершеннолетней. Тем самым была нарушена Конституция 1837 г.

В мае 1844 г. «прогрессистов» у власти сменили «умеренные», а правительство возглавил Нарваэс.⁵⁸ Последовательно проводя курс на отмену всех реформ своих политических противников, «умеренные» решили изменить и созданную «прогрессистами» Конституцию 1837 г. 4 июля 1844 г. представительный орган был распущен и назначены выборы в обычные (а не учредительные) кортесы, к компетенции которых было несено внесение изменений в Основной закон 1837 г. Главный аргумент, выдвинутый в пользу данного действия, — гибкость Конституции, в тексте которой не предусматривалось специального порядка внесения в неё изменений и дополнений, что существенно отличало её от «жесткого» Кадисского акта.

Отношение к результату творчества ординарных кортесов — Конституции 23 мая 1845 г.⁵⁹ — в испанской историко-правовой литературе значное. Так, Л. Санчес Агеста считал, что она представляет собой одну из реформ текста 1837 г., но проведённой на основе иной результативности, поэтому новый текст весьма далёк от оригинала.⁶⁰ С. Тура-и-Аха также исходил из того, что Основной закон, принятый в 1845 г., хотя и представлялся как реформа предыдущей Конституции, но его политические свойства серьёзно отличаются от неё, и поэтому он всегда рассматривается как другая конституция.⁶¹

Как и в 1837 г., форма правления в тексте не определялась, поэтому она может быть названа конституционной монархией, а с учётом базовой идеологии — «доктринарной». Последнее название объясняется тем, что принципы «умеренных» определили содержание Конституции 1845 г. Прежде всего, речь идёт об упоминавшейся мысли о наличии в Испании «внутренней» (т. е. исторической) Конституции, столпами которой являются два традиционных института — король и кортесы и осуществляемый ими совместный (разделённый) суверенитет. Комментируя эту новеллу, Л. Санчес Агеста обратил внимание на то, что с 1808 г. по 1837 г. монархия была основным фактом конституционного порядка, принимаемым как аксиома. При создании же Конституции 1845 г. законодатель стремился усилить эту мысль, вручив короне учредительную власть, признав её суве-

⁵⁸ Нарваэс возглавлял совет министров в мае 1844 г. — феврале 1846 г., марте — апреле 1846 г., октябре 1847 г. — январе 1851 г., октябре 1856 г. — октябре 1857 г. Он вновь вернулся на должность в 1866 г. и занимал её до смерти, последовавшей в 1868 г. Он вновь вошёл в историю как «диктатура Нарваэса» — см.: *Historia de España*. Т. 4. *Diccionario bibliográfico*. Madrid, 1995. P. 606.

⁵⁹ См.: *Constitución de la Monarquía Española de 23 de mayo de 1845 // Constituciones Históricas*. P. 113–123. Конституция состоит из преамбулы и 80 статей (вместо 77 по Конституции 1837 г.), по-прежнему объединённых в 13 разделов.

⁶⁰ См.: *Sanchez Agesta L. Perfiles históricos de la monarquía constitucional*. P. 246–247.

⁶¹ См.: *Sole Tura y Aja. Constituciones y periodos constituyentes en España*. P. 40.

реном наряду с кортесами.⁶² Благодаря этому приёму, Основной закон был промудрено как результат «единства и согласия», достигнутого королём (а точнее, королевой) и собранием представителей народа. При этом, замечал историк, законодатель отождествил учредительные власти с властями учредёнными.⁶³

Вследствие этого, как справедливо замечал Л. Санчес Агеста, разделы VI и VII, посвящённые королевской власти, формально наиболее изменены.⁶⁴ Прежде всего, положения, определявшие взаимоотношения короля и кортесов. Так, позиция монарха была усилена предоставлением ему права участвовать в формировании верхней палаты — сената,⁶⁵ в связи с тем, что отказались от порядка его комплектования, предусмотренного Конституцией 1837 г. Король наделялся правом пожизненно назначать членов верхней палаты в неограниченном количестве из числа лиц, отвечающих требованиям, предъявляемым Основным законом (ст. 14, 15). Такими могли стать представители политических кругов, администрации, знати, церкви, вооружённых сил, правосудия, при условии наличия у них достаточного имущественного статуса.

Кроме того, из ст. 26 исключили указание на обязательное открытие кортесами своих заседаний 1 декабря в том случае, если король не созовёт их в указанный срок. Исчезли из текста два ограничения королевской власти, предусмотренные п. 4, 5 ст. 48 Конституции 1837 г. и позволившие монарху лишь с разрешения кортесов покидать территорию государства и вступать в брак. Последнее требование ранее также было обращено и к тем, кто «может стать наследником престола в соответствии с Конституцией». Основной закон 1845 г. лишь предписывал: монарх сообщает о предстоящем браке, а кортесы только одобряют его брачный контракт (ст. 47). Также в акте устанавливалось, что король и его непосредственный наследник не может вступать в брак с лицами, которые были исключены из числа наследников короны. Смягчение ограничений объяснялось необходимостью почитительно относиться к достоинству и личной жизни королей. Конечно, это было иллюзией, справедливо замечает Х. Томас Бильяройя: брак, в который вступила 16-летняя Изабелла со своим кузеном Франсиско Ассизским, широко обсуждался в кортесах и в прессе, в Испании и в Европе, что не соответствовало тому, что задумал законодатель.⁶⁶

Подверглись изменению и некоторые положения, касающиеся престолонаследия. Фактические или юридические сомнения по этому вопросу были отнесены к предмету регулирования законом (ст. 53), в создании которого участвует и монарх. Так, Конституция 1837 г. предоставляла кортесам право определять преемника, если исчерпаны все линии наследников

⁶² См.: *Sanchez Agesta L. Perfiles históricos de la monarquía constitucional*. P. 15.

⁶³ См.: *Sanchez Agesta L. Perfiles históricos de la monarquía constitucional*. P. 15.

⁶⁴ См.: *Sanchez Agesta L. Historia del Constitucionalismo español*. P. 248.

⁶⁵ См.: *Repetto B. El Senado en España*. Madrid, 1974. P. 274.

⁶⁶ См.: *Tomas Villarrojo J. Breve historia*. P. 69.

короля. Они также были обязаны исключить из их числа лиц, не способных к управлению (ст. 53, 54). Конституция 1845 г. в подобных положениях упоминала не о кортесах, но о законе (ст. 52 и 54).

В Конституции 1845 г. традиционно содержались правила замещения главы государства в особых случаях. Но если по Основному закону 1837 г. при несовершеннолетии короля или его неспособности выполнять свою миссию кортесы должны были назначить регента, состоящее из одного, трёх или пяти лиц (ст. 57), то Основной закон 1845 г. чётко указывал, кто будет управлять государством в случае признания кортесами короля неспособным к управлению (ст. 61) или в случае его несовершеннолетия (ст. 57–58).

За 25-летний период царствования Изабеллы (1843–1868 гг.) в Испании сменилось 34 правительства, – средняя продолжительность деятельности правительства составляла менее девяти месяцев. Кортесы неоднократно распускались, широко использовалось указное законодательство, огромную роль в государственных делах играла камарилья. При дворе царствовали беззастенчивость и расточительство. Кульминацией королевского произвола стал декрет 20 мая 1854 г. о взимании с населения налогов за шесть месяцев вперёд, инициированный главой правительства – фаворитом королевы.

7 июля 1854 г. генерал О'Доннель опубликовал манифест с требованиями ликвидации камарильи, соблюдения законности и улучшения законодательства. Во многих провинциях вспыхнули восстания. В Испании очередной раз началась революционная пора (1854–1856 гг.). Изабелла II вновь назначила «прогрессивиста» Эспарtero главой правительства, и подготовило проект новой Конституции, близкой по духу Конституции 1837 г.⁶⁷ Однако последовавшая отставка правительства Эспарtero предопределила роспуск учредительных кортесов и судьбу Конституции, ставшей «не родившейся». Вновь была восстановлена Конституция 1845 г.

История «смены кабинетов, не могущих справиться со своей задачей, оставила власть представителям реакции», отмечал А.Д. Градовский, «растал протест против королевской реакции».⁶⁸ Неудивительно, что в стране нарастал протест против королевского двора.

Демократическая монархия (1868–1873 гг.). Следующий период в конституционной истории Испании (1868–1873 гг.) принято называть «революционным». Он был ознаменован принятием Конституции 1869 г. и созданием проекта Основного закона Первой республики. Начало этого

⁶⁷ См.: Alejandro García J. A., Gastó Fernandez E., García Martín J. M. Manual básico de historia del derecho. Madrid, 2003. P. 422.

⁶⁸ В Конституцию дважды вносили дополнения: 15 сентября (действовали один месяц) и 17 июля 1857 г., когда по инициативе правительства Нарваэса были изменены правила комплектования Сената (они действовали до 20 апреля 1864 г.).

⁶⁹ Градовский А. Д. Государственное право важнейших европейских государств. // Собр. соч. Т. 4. С. 803.

периода, как и появление следующей конституции в истории страны, стало результатом революции 1868 г., известной как «славная» (по аналогии с английскими событиями 1688 г.), или «сентябрьская». По мнению многих специалистов, она была запоздалым «эхом» или «отголоском» революционного 1848 г.⁷⁰

Революционные события начались в Кадисе 18 сентября 1868 г., а 30 сентября Изабелла II покинула территорию Испании. С этого момента в стране началось «демократическое (или революционное) шестилетие». В политической жизни страны активно проявляли себя различные партии и политические группы, в том числе социалисты и анархисты; в Испании была создана секция Первого Интернационала. Лозунгами «сентябрьской» революции стали: демократия и всеобщее мужское избирательное право, признание широкого круга прав и свобод, объявление некоторых из них неотъемлемыми и присущими человеческой природе, признание прав на собрания и ассоциации, гарантии социальных прав испанцев. Большое значение имел отказ от признания католической религии государственной. Это было время борьбы не только против династии или определённой личности, которая её представляет, но движение за демократический политический режим, который бы обеспечил права и свободы личности.

В середине января 1869 г. были проведены выборы в учредительные кортесы, на которых победили сторонники сохранения монархической формы правления – «прогрессисты» и «унионисты» (бывшие «модератос», входившие в Либеральный союз), при этом республиканцы и демократы оказались в меньшинстве. Кортесы открыли свои заседания 11 февраля 1869 г., а 1 июня была промульгирована очередная испанская Конституция.

После сентябрьской революции 1868 г. в Испании сложились все условия для дебатов о форме правления и полномочиях главы исполнительной власти. Перед учредителями были образцы организации власти в государствах, с которыми Испания всегда поддерживала самые тесные международные связи, – парламентская монархия в Великобритании и конституционная монархия во Франции после Июльской революции 1830 г. Поведение Изабеллы II серьёзно подорвало авторитет и престиж королевской власти в Испании. Кроме того, испанцы были знакомы с республиканской формой правления США, Швейцарии, с республиканским опытом Голландии и Франции. Также следует принять во внимание и тот факт, что учредительные кортесы обсуждали Основной закон без короля, учреждали, очевидно, замечал Л. Санчес Агеста, монархию без монарха, как алтарь без

Позтому формулировка ст. 33 о форме правления («монархия является формой правления испанской нации») вызвала серьёзную дискуссию в кортесах. Так, приверженцы республики, отождествляя её с демократией, утверждали, что эта форма правления уже фактически существует, нужно

⁷⁰ См.: Tomas Villarroya J. Breve historia. P. 84.

⁷¹ См.: Sanchez Agesta L. Perfiles historicos de la monarquia constitucional. P. 18.

лишь отразить её в тексте Конституции. Настаивая на сохранении прежней формы правления, её сторонники предлагали изменить в новых условиях традиционную монархию — «демократической». ⁷² Последняя предполагала передачу значительных ранее принадлежавших королю полномочий народу и представлявшим его кортесам. В отличие от абсолютной и конституционной, монархия «демократическая», по мнению её сторонников, базируется на утверждении в тексте национального суверенитета, а также предполагает провозглашение всеобщего мужского избирательного права, декларации прав и свобод, в том числе социальных. ⁷³

Важно, что в тексте не называлось имя правящего монарха. При фактическом отсутствии такового учредители посчитали необходимым пообещать в переходных статьях Конституции, что будет принят закон о выборах короля, который станет её неотъемлемой частью (ст. 1 переходных положений). 8 июня 1869 г. кортесы сделали это, определив процедуру выборов короля и принесения им присяги. ⁷⁴ В отличие от предыдущих конституций личность короля объявляется только «неприкосновенной и неотвественной» (ст. 67), указание на её священность было исключено.

Основной закон 1869 г. ⁷⁵ явился результатом, главным образом, деятельности «прогрессистов», поэтому его важнейшими принципами, определявшими статус монарха, по-прежнему являлись национальный суверенитет и разделение властей. Первый был упомянут в преамбуле: «Испанская нация и от её имени Учредительные кортесы, избранные на основе всеобщего избирательного права...» Кроме того, ст. 32 была явно вдохновлена Кадисской конституцией: «Суверенитет по существу принадлежит нации, из которой происходят власти». Закрепляя принцип разделения властей (ст. 34–36), конституанта вручила законодательную власть исключительно кортесам, при этом король «санкционирует и промульгирует законы» (ст. 34). Полномочия монарха стали предметом долгих обсуждений. ⁷⁶ В результате право короля санкционировать законы не подкреплялось положением об обязательности королевской санкции, которая не упоминается в последующих положениях, регламентирующих законодательный процесс (ст. 49–50, 52). Вместе с тем, за королём сохранилось право законодательной инициативы, так же как и за палатами кортесов (ст. 54). Новеллами в области отношений монарха и кортесов стало закрепление его права распустил как одну, так и обе палаты (ст. 42) с обязательным созывом в

⁷² См.: Sanchez Agesta L. Perfiles historicos de la monarquia constitucional. P. 16.

⁷³ См.: Sanchez Agesta L. Perfiles historicos de la monarquia constitucional. P. 20. Первый раздел («Об испанцах и их правах») объединял 31 статью.

⁷⁴ См.: Ley de 8 de junio de 1870 para la eleccion de Rey // Constituciones Historicas. P. 159–161.

⁷⁵ См.: Constitución de la Monarquia Española de 1 de junio de 1869. // Constituciones Históricas. P. 139–155. Текст Конституции состоял из преамбулы, 112 статей, объединенных в 11 разделов, и двух переходных положений.

⁷⁶ См.: Petschen S. Iglesia—Estado. Un cambio politico. Las Constituyentes de 1869. Madrid, 1974. P. 92.

течение трёх месяцев (ст. 73), указание на возможность лишь однократного приостановления деятельности каждой легислатуры (ст. 71), минимального четырёхмесячного ежегодного периода функционирования представительного органа (ст. 43).

Король определялся главой исполнительной власти, которую он осуществлял посредством министров (ст. 35), по своему усмотрению назначаемых им на должности и освобождаемых от них. Однако, наряду с этим традиционным положением, в Конституции было признано существование правительства как коллегияльного органа и впервые зафиксировано право обеих законодательных палат на выражение ему вотума недоверия и право каждого члена палат на запрос правительству (ст. 53). Несмотря на то, что последствия этих актов не были определены, их значение невозможно не оценить, — таким образом, был сделан шаг к конституционному оформлению перехода от конституционной монархии к монархии парламентской.

Следует отметить, что в разделе с обычным названием «О министрах» весьма чётко сформулировано правило привлечения министров к уголовной ответственности за преступления, которые они совершают при осуществлении своих обязанностей. Конгресс обладает правом выдвинуть обвинение против них, а сенат — судить. Далее содержится ссылка на законы, которые определяют основания для привлечения министров к ответственности, наказания, которые на них налагаются, а также процедуру привлечения их к ответственности (ст. 89).

18 июня 1869 г. кортесы назначили генерала Серрано регентом, а генерала Прима — главой правительства. Последний и занялся поисками кандидата на испанский престол. Не обратив внимания на то, что 25 июня 1870 г. Изабелла II официально отрелась от престола в пользу своего сына Альфонса XII, 16 ноября 1870 г. кортесы избрали королем Амадео I Савойского ⁷⁷ и приняли его присягу. Король-иностронец не прижился на чужбине и возглавлял испанское государство относительно недолго — до отречения, содержащегося в его послании кортесам 11 февраля 1873 г.

В тот же день, несмотря на запрет собираться вместе (ст. 47), содержащийся в Конституции 1869 г., сенат и конгресс объединились на общее заседание и провозгласили республику. 8 июня 1873 г. Испания была объявлена учредительными кортесами федеративной республикой. Первая республика в Испании завершила своё существование 3 января 1874 г., когда генерал Пavia совершил государственный переворот и учредил правительство национального спасения, просуществовавшее до реставрации монархии.

Монархия в период «двух реставраций» (1874–1931 гг). Ещё в беспоконную республиканскую пору в 1873 г. Изабелла II, находившаяся за пределами Испании, наделила А. Кановаса дель Кастильо полномочиями представлять интересы её сына. Он стал главой альфонсистов, которые объединя-

⁷⁷ За Амадео проголосовал всего лишь 191 депутат из 311, присутствовавших при выборах, которые стали результатом деятельности Прима, подержанного «прогрессистами» (Bahamonde A., Martinez J. A. Historia de España. Siglo XIX. Madrid, 1994. P. 570).

ли всех сторонников передачи власти монарху. В результате очередного про- нунсиамьенто 29 декабря 1874 г., возглавляемого сторонником короля гене- ралом Арсенио Мартинес Кампос, 30 декабря власть была передана Кановасу как официальному представителю короля. 31 декабря 1874 г. он возглавил министерство-регентство, и было объявлено о созыве кортесов.

14 января 1875 г. Альфонсо XII прибыл в Испанию. В стране вновь были восстановлены монархия и династия Бурбонов. Так начался четвертый пери- од в конституционной истории Испании (период «двух реставраций»). Исто- рический фон его начала создавала очередная «карлистская» война. Арагон, Каталония, север Страны басков и некоторые другие области фактически на- ходились под управлением Дона Карлоса, именовавшего себя Карлосом II. Для обеспечения целостности государства король должен был покончить с гражданской войной и притязаниями Карлоса на власть.

22 января 1875 г., на восьмой день после своего прибытия в Мадрид, Альфонсо XII обратился с манифестом к «карлистам», в котором разъяс- нял: «Если вы боретесь за дело роялизма, то я являюсь представителем той династии, на верность которой присягали ваши отцы». ⁷⁸ В заключение он предлагал полную амнистию и подтверждение старинных вольностей он- верных провинций. В феврале 1874 г. военная ситуация оказалась столь опасной для центральной власти, что глава правительства Серрано, а затем и сам Альфонсо XII, получивший за границей прекрасное военное образо- вание, отравились на фронт, что имело весьма благоприятные последст- вия. В марте 1876 г. Дон Карлос вынужден был покинуть Испанию. Вскоре король признал Англию, Франция и другие державы. Ватикан благосло- вил его вступление на престол.

Созванные учредительные кортесы разработали и приняли Конститу- цию, которая была промульгирована 30 июня 1876 г. ⁷⁹ Она оформила ор- ганизацию власти, известную как «реставрационная система», идеологом которой стал А. Кановас, стремившийся достичь стабильности и управ- лемости страны и преодолеть анархическую ситуацию, созданную во время «революционного шестилетия». Его политические убеждения отли- чались следующими существенными моментами, серьёзно повлиявшими на текст Основного закона: *прагматизм* (принятие в политике того, что ре- ально, подчиня то, что желаемо, тому, что полезно и необходимо), *элек- тизм* и *предрасположенность к компромиссу* (поэтому неудивительно, что в Конституции нашли отражение принципы различных политических пар- тий), *возрождение концепции «внутренней» конституции* с её основой в виде совместного правления короля и кортесов. ⁸⁰

⁷⁸ См.: Майский И. М. Испания. С. 310.

⁷⁹ См.: Constitución de la Monarquía Española de 30 de junio de 1876 // Constituciones His- toricas. P. 163–176; Современные конституции. Под ред. В. М. Гессена и Б. Э. Нольде. 13 разделов и переходного положения.

⁸⁰ См.: Cervero Latailladel I., Zamora Rodriguez T. Constitucionalismo historico de España. P. 209–210.

Положение Короны по конституции 1876 г. существенно отличалось от закреплённого в Основном законе 1869 г. Монархия представлялась как институт, созданный историей, а не по воле учредительного собрания или нации, представленной кортесами. Поэтому принципом реставрации или решительный отказ от какой бы то ни было попытки изменить статус Ко- роны, в том числе путём конституционной реформы.

В отличие от формы конституционной реформы. мывалась как монархия «демократическая», в 1876 г. она предстаёт как «доктринарная», т. е. конституционная, аналогичная закреплённой Кон- ституцией 1845 г. В 1869 г., после прекращения династии, кортесы, осуще- ствлявшие национальный (народный) суверенитет, учредили монархию, основанную на демократических принципах. Однако правительству при- шлось искать среди европейских монархов короля, который бы согласился править в соответствии с уже принятым Основным законом. В 1876 г. Кон- ституцию объявил Альфонсо XII – «по милости Бога конституционный ко- роль», действуя «в союзе и с согласия кортесов». Таким образом, законо- датель 1876 г. возродил принцип совместного суверенитета монарха и представительного органа, наделив каждого из них соответствующими прерогативами. Но опыт революционного 1868 года серьёзно учитывался в части закрепления прав и свобод личности.

Формально Конституция 1876 г. – акт учредительной власти, пред- ставляемый как исходящий от кортесов и короля. Поэтому она не может быть изменена по воле одного из двух субъектов учредительной власти. Исследователи же нередко подчеркивают её договорную природу. Более того, сама реставрация монархии представляется результатом договора, фактически заключённого основными политическими группами и предста- вителями династии Бурбонов. ⁸¹

В целом, статус монарха был подобен тому, который закрепила ранее Конституция 1845 г. «Совместно» с кортесами король осуществляет зако- нодательную власть (ст. 18) посредством законодательной инициативы, осуществляемой наравне с палатами (ст. 41), санкционирования и про- мульгации законов (ст. 51); при этом формулировка Конституции (ст. 44) позволяла сделать вывод об абсолютном характере его вето. Он также вправе создавать, распустить кортесы, приостановить их деятельность (ст. 32), назначить часть сенаторов (ст. 22). Монарху вверяется исполни- тельная власть (ст. 50). В Конституции перечислены его полномочия (ст. 52–54), а также действия, которые он может совершать исключительно в соответствии с полномочиями, предусмотренными в специальном законе (ст. 55).

Однако в конституционной практике она нашла своё отражение и новел- ла: реставраторы отводили Короне важную роль при осуществлении кон- троля над системой государственных органов. И это неудивительно, так

⁸¹ См.: Calero A. M. La prerogativa regia en la restauracion: teoria y practica (1875–1902) // Revista de Estudios Politicos. № 55. 1987. P. 280.

как монархия всё ещё обладала в Испании традиционным авторитетом. В ней усматривали способность действовать в качестве арбитра и модератора между различными группами — участниками осуществления государственной власти. Общепринятая доктрина предоставляла ей также посредническую власть с особой миссией — устанавливать гармонию властей, что в целом и было реализовано на практике.

Считается, что благодаря А. Кановасу в Испании действовала парламентская система. При нём, поклоннике британской конституции, сложилась и двухпартийная система, представленная двумя партиями: консервативной А. Кановаса и либеральной П. М. Сагасты.⁸² Их кончина обезглавила партии и затормозила процесс формирования двухпартийной системы.⁸³ Конституционной практикой было признано: для успешного функционирования правительственной практики в поддержке большинства в кортесах. При этом из политической жизни не исключались другие партии.

За несколько часов до смерти Альфонсо XII (последовавшей 25 ноября 1885 г.) А. Кановас и П. М. Сагаста договорились о решении вопроса о престолонаследии («пакт в Пардо»). В результате регентом стала жена умершего короля Мария Кристина, а её сын в день своего рождения 17 мая 1886 г. сразу же был провозглашён королём с именем Альфонсо XIII. Регентство матери продолжалось до 17 мая 1902 г., т.е. до достижения установленного Конституцией 1876 г. возраста совершеннолетия (ст. 66).

На период правления Альфонсо XIII выпали важные события — потеря Испанией своих последних колоний — Кубы, Пуэрто-Рико и Филиппин, Первая мировая война, в которой страна придерживалась нейтралитета, кризис в экономике, рост социальных противоречий, активизация региональных, сепаратистских, социальных движений и политических партий, политическая нестабильность, частая смена правителей. В 1917 г. Испанию охватил тяжелейший кризис. Расстройство экономики спровоцировало социальный протест, зазвучали предложения о конституционной реформе. Неудачи в войне в Марокко, к которой подтолкнули короля генералы, потрясли страну. В Испании возникло общенациональное движение, требовавшее наказания виновников поражений. В условиях революционных волнений в стране стала укрепляться мысль о необходимости установления твёрдой власти.⁸⁴

13 сентября 1923 г. путём военного мятежа в Каталонии устанавливается диктатура Primo de Rivera при формальном сохранении монархической формы правления. В стране было объявлено осадное положение. 15 сентября 1923 г. король поручил Primo de Rivera сформировать и возглавить правительство — директорию, состоящую из военных. Официально было заявлено, что Primo de Rivera будет выполнять свои обязанности временно, пока не будет восстановлена конституционная система. Дейст-

⁸² См.: Sanchez Agesta L. Curso de derecho constitucional comprador. Madrid, 1974. P. 459.

⁸³ См.: Sanchez Agesta L. Perfiles historicos. P. 21–22.

⁸⁴ См.: Испания 1918–1972: Исторический очерк. М., 1975. С. 25.

вие Конституции 1876 г. было приостановлено, как и действие прав и свобод, кортесы распущены. Все законы, декреты и постановления, издаваемые директорией, подписывались королём и генералом. В соответствии с декретом от 18 сентября 1923 г. последнему была подчинена судебная система и органы юстиции, был отменен суд присяжных. Для укрепления своей власти на местах 30 сентября Primo de Rivera издал декрет о роспуске муниципальных советов и создании новых органов. В стране нарастала волна репрессий. Только в декабре 1925 г. военная директория была упразднена, восстановлены должности председателя совета министров и министров. Однако возглавлял правительство всё-таки диктатор. В сентябре 1927 г. был учреждён своеобразный представительный орган — Национальная ассамблея. А в 1929 г. диктатор предложил свой проект организации государственной власти — т.н. Антипроект конституции и пять органических законов, которые так и не были введены в действие, но позднее оказали влияние на законодательство Франко.

В январе 1930 г. период диктатуры Primo de Rivera закончился — роль назначил главой правительства генерала Бегугуэра, в полной мере была восстановлена Конституция 1876 г. Но правление Альфонсо XIII было недолгим: в связи с победой республиканцев на муниципальных выборах 12 апреля 1931 г. созданный революционный комитет потребовал, чтобы монарх покинул страну. В Испании была установлена республиканская форма правления (1931–1936 гг.), а затем и диктатура Франко.

Монархия без монарха (1947–1975 гг.). В течение почти четырёх десятилетий (1936–1975 гг.) главой испанского государства являлся диктатор Франсиско Франко Бааонде. Он одновременно был главой государства, президентом правительства (до 1973 г.), верховным главнокомандующим армией и флотом, обладал правом самостоятельно издавать законы и декреты, если «это диктуется безотлагательными соображениями». Франко также возглавлял движение (партию) Испанской фаланги традиционалистов и хунт национал-синдикалистского наступления. В 1939 г. Франко назвал себя *худильо* Движения, подобно тому, как назвали себя главы современных его режиму германского и итальянского государств — *фюрер* и *дуче*.

Как только стало ясно, что Германия начинает терпеть поражения во Второй мировой войне, Франко, сумев сохранить нейтралитет Испании, приступил к преобразованию собственного режима с явной целью завоевания симпатий государств антигитлеровской коалиции. Этот процесс, направленный на создание имиджа режима с демократическими институтами усилился после окончания войны. Формально-юридическое закрепление он нашёл в семи законах, изданных в 1942–1967 гг. и получивших название «основных».

Так, 17 июля 1942 г. диктатором был объявлен (изменён 9 марта 1946 г.) Закон «Об учреждении испанских кортесов»⁸⁵ — законосовеща-

⁸⁵ См.: Esteban J. Las Constituciones de España. Madrid, 2000. P. 354–360; Конституция буржуазных государств Европы. М., 1957. С. 508–513.

тельного органа, предназначенного для подготовки законов. Акт был реализован, и в марте 1943 г. новый орган был создан. Наметившаяся тенденция к демонстрации участия народа в осуществлении государственной власти, прежде всего в области законодательства, обнаружилась и в Законе «О национальном референдуме» 22 октября 1945 г.,⁸⁶ который мог проводиться по инициативе диктатора в случаях особой важности законов или если этого требует публичный интерес. Франко использовал референдум дважды: в 1947 г. и в 1966 г.

Кортесы как совещательный орган выражали свое мнение при ратификации международных договоров, заключённых каудильо и затрагивающих вопросы суверенитета и целостности испанской территории (ст. 14). В 1947 г. их компетенция расширилась за счёт традиционных полномочий: устанавливалась недееспособность главы государства, исключать из числа претендентов на престол отдельных членов королевской семьи, — в этих случаях кортесы имели право на принятие решения, как при конституционной монархии.

Монархическая форма правления в Испании традиционно признавалась обществом атрибутом испанской государственности и нации. Это нашло выражение в издании 26 июля 1947 г. Закона «О преемстве при замещении поста главы государства».⁸⁷ Он представляет собой удивительный акт, поскольку ничего подобного в других европейских странах, переживавших периоды диктатур в XX в., не было. Подобно своим «коллегам», Франко собирался править пожизненно, но в отличие от них осознавал: его власть не вечна. В акте определялась форма правления: Испания объявлялась королевством (ст. 1). Однако появление короля в качестве главы государства в будущем предполагалось в трёх случаях: недееспособности каудильо, его смерти или добровольной отставки. При этом действующим главой государства вновь признавался сам Франко (ст. 2). В Законе предусматривались два этапа в данном процессе. Первый — экстраординарное замещение должности. Второй — обычное занятие престола. На первом этапе возможны два варианта: первый — в силу назначения Франко, второй — в силу отсутствия этого назначения.⁸⁸

За Франко закреплялось исключительное право в любой момент по своему усмотрению назначить преемника, получив одобрение кортесов. Свобода в выборе формально ограничивается некоторыми условиями, которым должен отвечать преемник: это испанец, достигший 30-летнего возраста, исповедующий католическую религию, обладающий качествами, необходимыми для выполнения его высокой миссии, и принесший клятву

⁸⁶ См.: Esteban J. Las Constituciones de España. P. 366. Конституции буржуазных государств Европы. С. 520.

⁸⁷ См.: Esteban J. Las Constituciones de España. P. 360–365; Конституции буржуазных государств Европы С. 521–525.

⁸⁸ См.: Fernandez Segano F. Las Constituciones Historicas Españolas: Un analisis historico-juridico. Madrid, 1992. P. 714.

в верности основным законам, а также принципам национального движения (ст. 9). В законе, подобно тому, как это делалось в конституциях, устанавливал и обычный порядок престолонаследия (ст. 11).

Закон 1947 г. ввёл систему органов, традиционных для испанской монархии. Так, назначение Совета королевства как совещательного органа при главе государства состояло в том, чтобы оказывать ему «помощь во всех наиболее важных делах и решениях, относящихся к его исключительной компетенции» (ст. 4). Также предполагалось создать регентский совет для осуществления королевской власти в случаях, когда престол оказывался вакантным.

Закон 1947 г. также не превратился в фиктивный, он был реализован диктатором. На престол в то время могли претендовать два лица. Первый — сын свергнутого короля Альфонсо XIII дон Хуан, граф Барселонский. Второй — дон Карлос Уго — глава карлистской ветви Бурбонов. 25 августа 1948 г. состоялась встреча Франко с доном Хуаном Барселонским, в результате которой была достигнута важная для страны договоренность о провозглашении Хуана Карлоса, сына дона Хуана, преемником Франко. Также определили, что он будет жить и получать образование в Испании, где он должен проникнуться уважением к принципам движения. 23 июля 1969 г., по достижении Хуаном Карлосом 30-летнего возраста, Франко издал специальный декрет, закрепляющий процедуру утверждения его в роли преемника. Однако диктатор, разочаровавшись в Хуане Карлосе, 14 июня 1972 г. провозгласил своим преемником на посту главы государства Луиса Карреро Бланко. Но предыдущее назначение не было отменено, а новый кандидат не был представлен кортесам. Поэтому после убийства Луиса Бланко 30 декабря 1973 г. Хуан Карлос Бурбон остался единственным претендентом на престол.

Особое значение для восстановления монархии имел Органический закон государства, введённый Франко в действие 10 января 1967 г., который явно демонстрировал претензии диктатора на создание конституции.⁸⁹ Закон был рассчитан на универсальное действие, так как становился юридической основой правления и каудильо, и монарха. Поэтому законодатель использовал термин «глава государства». О «короле» в законе вовсе не упоминается, хотя в основном тексте (кроме переходных положений, где прямо назван каудильо и имя Франко — ст. 3) речь идёт об обычном главе государства. Он объявляется верховным представителем нации, который воплощает национальный суверенитет (ст. 6). Возвращаясь к конституционным традициям XIX в., законодатель объявил его личностью неприкосновенной, за его решения несёт ответственность то должностное лицо, которое, руководствуясь правилом контрасигнатуры, подписало соответствующий акт (ст. 8). Анализируя функции главы государства (ст. 1) можно отметить, что он уже не рассматривается как глава исполнительной власти. Он предстаёт, прежде всего, как лицо, обеспечивающее согласованность

⁸⁹ См.: Esteban J. Las Constituciones de España. P. 323–353.

действий всех государственных институтов, он разрешает споры о компетенции, возникающие между высшими органами (ст. 57).

Полномочия обычного главы государства разделены в тексте закона на три вида: осуществляемые самостоятельно (ст. 7); после издания специального закона или с согласия кортесов (ст. 9); наконец, те, которые осуществляются после получения заключения Совета королевства (ст. 10).

Специальные полномочия, зафиксированные в законе или согласованные с кортесами, должны быть получены главой государства для ратификации международных договоров или соглашений, которые затрагивают суверенитет и целостность испанской территории; при объявлении войны и заключении мира (ст. 9). Мнение Совета королевства должно быть заслушано для того, чтобы предложить кортесам проекты законов, продлить срок деятельности кортесов, принять чрезвычайные меры, когда этого требует внешняя безопасность, независимость нации, целостность территории королевства (кортесам направляется об этом отчёт), а также для того, чтобы направить на национальный референдум проекты важных законов (ст. 10). Глава государства назначает на должность председателя Верховного суда из тройного числа кандидатов, предложенных Советом королевства, а также на основании его заключения выносит окончательное решение по жалобам на неконституционность актов (ст. 59.2).

Ориентируясь на восстановление в будущем королевской власти, законодатель предусматривает, что при отсутствии главы государства в Испании или в случае его болезни функции последнего исполняет наследник короны, если ему уже исполнилось 30 лет, а при отсутствии такового — регентский совет, о чём председатель правительства сообщает кортесам (ст. 11). Таким образом, текст Органического закона содержал чётко сформулированные правила, которые должны были обеспечить спокойный и, следовательно, органический (т. е. конституционный) переход власти после ухода Франко с политической арены.

Органический закон был реализован, как и предыдущие, а в последние годы диктатуры Франко активные законодательные работы продолжались, превращая его власть в «организованную диктатуру». ⁹⁰ В советской литературе признавали даже наличие в Испании конституции. ⁹¹ И это не удивительно, ведь в испанской литературе основные законы Франко нередко сравнивали с Конституцией СССР 1936 г.

⁹⁰ См.: Clavero V. Manual de la historia constitucional de España. P. 235. — К числу законов, развивавших положения расмотренного Закона, относятся: Органический закон королевства от 28 июля 1967 г., Органический закон о Совете испанского государства буржуазных государств Европы. С. 490; Савин В. А. История испанского государства франкистского режима (доктрина и конституционное развитие): Автореферат дис. канд. юрид. наук. М., 1975. С. 12; Хибриков Н. Г. Государственный механизм франкистской диктатуры в Испании: Автореферат дис. канд. юрид. наук. М., 1974. С. 8.

⁹¹ См.: Конституции буржуазных государств Европы. С. 490; Савин В. А. История испанского государства франкистского режима (доктрина и конституционное развитие): Автореферат дис. канд. юрид. наук. М., 1975. С. 12; Хибриков Н. Г. Государственный механизм франкистской диктатуры в Испании: Автореферат дис. канд. юрид. наук. М., 1974. С. 8.

Парламентарная монархия в Испании (с 1975 г.). Новый этап в конституционной истории Испании начался после смерти Франко в ноябре 1975 г. 22 ноября 1975 г. Хуан Карлос был провозглашён королём Испании, с этого момента и начался процесс демократизации. Правительство одобрило проект Закона о политической реформе, который, будучи утверждён на референдуме 15 декабря 1976 г., позволил созвать кортесы, почти полностью избранные на основе всеобщего избирательного права. На выборах правые партии потерпели поражение. Конгресс депутатов, созданный 25 июля 1977 г., сформировал конституционную комиссию, в состав которой вошли 36 депутатов — представителей основных политических партий. Во время обсуждения проекта социалисты предложили поправку о введении республиканской формы правления. Но серьёзных дебатов, как это было в 1869 г., не последовало. Партия социалистов была готова согласиться с монархической формой правления, если она будет совместима с демократическим политическим режимом, а монарх будет уважать народный суверенитет.

Конституционный проект, разработанный комиссией, явился результатом сотрудничества всех партий и сил, заинтересованных в демократическом развитии страны. Кортесы утвердили проект 31 октября 1978 г. Законом он был вынесен на референдум и 6 декабря 1978 г. получил одобрение большинства испанцев (58,9% от общего числа обладавших правом участвовать в голосовании). ⁹²

Впервые в истории испанского конституционализма форма правления государства была объявлена как «парламентарная монархия» (ст. 1.3). Такое положение — редкое явление для основных законов даже в XX в. Специалисты по конституционному праву Испании Х. де Эстебан и П. Х. Гонсалес-Тревихано отметили, что у испанского законодателя был лишь один исторический пример — Конституция Югославии 1921 г. ⁹³ Однако её базой стали традиционные для истории страны идеи — народного суверенитета и функционального разделения властей. Примечательно содержание примирения термина «национальный суверенитет» с его содержанием, подразумевающимся ещё в XIX в.: национальный суверенитет принадлежит испанскому народу, от которого исходят полномочия государства (ст. 1.2). При этом утверждается, что «Конституция основана на нерушимом единстве испанской нации, являющейся единой и неделимой для всех испанцев» (ст. 2). Монархическая форма правления ни в коей мере не противоречит признанию Испании «социальным, правовым и демократическим государством» (ст. 1.1). Таким образом, проблема совместимости демократического строя и монархии, волновавшая учредителей в

⁹² См.: Разумович Н. Н., Савин В. А. Вступительная статья. // Испания: Конституция и законодательные акты М., 1982. С. 13.

⁹³ См.: Esteban J., Gonzalez-Trevijano P. J. Tratado de Derecho Constitucional. Madrid, 2000. P. 40.

1869 г., давно утратила свою остроту и актуальность. Король предстаёт гарантом и защитником этого политического режима.⁹⁴

Статус монарха закрепляется в разделе II, названном «О Короне». Данный институт персонифицируется в монархе, который и предстаёт в качестве органа, закреплённого Конституцией (ст. 56–65). Король является главой государства, но не исполнительной власти. Последняя вручается главе государства (ст. 97), формируемому королём несамостоятельно. Кандидатура председателя определяется им после «консультаций с представителями политических групп, имеющих парламентское представительство», при этом претендент должен получить абсолютное большинство голосов членов конгресса депутатов, выражающих ему свое доверие (ст. 99.1–3). Остальные члены назначаются королём по предложению председателя (ст. 100).

Король занимает особое место в системе высших органов государства. Он является символом, идентифицируемым с единством и постоянством государства (ст. 56.1), что внешне отражено в его титуле – король Испании (ст. 56.2). Монарх является преемником национальных традиций «как наследник исторической династии» Бурбонов (ст. 57). Как таковой Хуан Карлос I Бурбон и монархическая форма правления легализованы и легитимированы Конституцией. С учётом того, что последняя нашла отражение в результатах референдума – проявлении народного суверенитета, Л. Санчес Ахеста обратил внимание на то, что в Испании 1978 г. состоявшаяся социальная легитимация нашла своё юридическое оформление в Основном законе.⁹⁵

Король признаётся «гарантом правильного функционирования государственных институтов» (ст. 56.1). В современной конституции Испании, как и в основных законах многих других государств, содержится «весьма умеренные формулировки относительно роли монарха в управлении государством». За ним закреплены полномочия, связанные, главным образом, с осуществлением представительской, интеграционной и посреднической функций. И это неслучайно, так как король традиционно рассматривается как «стоящий над борьбой различных сил, служащий гарантом соблюдения конституции, нужд и чаяний народа, символом национального единства».⁹⁷

Король осуществляет высшее представительство Испании в международных отношениях, особенно с нациями, с которыми она связана исторически, а также осуществляет функции, которые ему предоставлены Конституцией и законами (ст. 56.1). Несмотря на впечатляющий перечень его полномочий (ст. 62), при их систематическом толковании они обнаруживают исключительно формальный характер. Так, королёв предоставлено право санкционировать и промульгировать законы. Но у него нет возмож-

⁹⁴ См.: Sanchez Agesta L. La monarquia parlamentaria en a Constitucion de 1978. // Revista Española de Derecho Constitucional. 1986. № 18.

⁹⁵ См.: Sanchez Agesta L. La monarquia parlamentaria.

⁹⁶ Сравнительное конституционное право. М., 2002. С. 350.

⁹⁷ Сравнительное конституционное право. С. 350.

ностей отказать в утверждении законопроекта. В Конституции недвусмысленно определено: в течение 15 дней после одобрения кортесами законы утверждаются королём; он их просматривает и отдаёт распоряжение об их немедленной публикации (ст. 91). Референдум может быть объявлен только по предложению главы правительства, предварительно одобренному конгрессом депутатов (ст. 92.2). Большинство иных полномочий не могут осуществляться без контрасигнатуи председателем правительства, а в необходимых случаях – ещё и министрами.

По сложившейся традиции в Основном законе уделено внимание вопросам престолонаследия, регентству, опеке над несовершеннолетним монархом, присяге короля (ст. 57–61). Примечательно, что в двух случаях сохраняются старые традиции. При наследовании престола, как и в XIX в., мужчине отдаётся предпочтение перед женщиной (ст. 57.1), что противоречит принципу равенства испанских граждан независимо от пола (ст. 14). Кроме того, лица, относящиеся к числу наследников престола, в случае вступления в брак без разрешения короля и кортесов лишаются этого права для себя и своих наследников (ст. 57.4), что противоречит провозглашённой свободе на бракосочетание (ст. 32). Таким образом, Конституция 1978 г. закрепила форму правления и статус монарха, с одной стороны, базируется на имеющемся опыте Испании, с другой стороны, демонстрирует «разрыв с историческим конституционализмом», вводя «впечатляющие новшества».⁹⁸

* * *

Начало конституционного развития Испании связано с весьма драматичным временем – войной с наполеоновской Францией. В период правления короля Фернандо VII (1808–1833 гг.) в абсолютистском государстве появились первые конституционные «проблески», были предприняты первые попытки установления конституционной монархии, которая и стала политико-правовым ориентиром для следующих поколений испанских патриотов. Начиная с 1834 г. формой правления Испании стала конституционная монархия, а главой государства – монарх, власть которого была ограничена в соответствии с Основным законом прежде всего кортесами – органом национального представительства. Особенностью монархии и конкретный статус короля в значительной мере определялись представлениями о соотношении нации и короля. При создании некоторых конституций (1812, 1837, 1869 гг.) монархию понимали как институт, свойственный нации и производный по отношению к ней (т.е. как национальную монархию).⁹⁹ Базовым принципом таких основных законов стал суверенитет, осуществляемый нацией, установившей конституционные границы королевской власти. В них также признавались идея разделения властей, права

⁹⁸ См.: Esteban J., Gonzalez-Trevijano P. J. Tratado de Derecho Constitucional. T. 1. P. 71.

⁹⁹ См.: Esteban J., Gonzalez-Trevijano P. J. Tratado de Derecho Constitucional. T. 1. P. 51.

и свободы испанцев. В других конституциях (1834, 1845 и 1876 гг., частично — основные законы Франко) была заложена идея королевского или совместного (короля и нации, представленной кортесами) суверенитета, из которого следовало, что монархия определяет судьбу (или участвует в определении судьбы) нации (являясь традиционной монархией).¹⁰⁰ При таком подходе королю отводилась главная роль (или одна из двух главных ролей) в системе государственной власти. Такие конституции не были основаны на классическом разделении властей, а реализация прав и свобод испанцев связывалась с их закреплением в текущем законодательстве.

В 30-годы XIX в. после издания Королевского статута в конституционной практике Испании постепенно появляются черты, свойственные парламентской монархии. Так, было признано наличие коллегияльного правительства, которое фактически осуществляло исполнительную власть, принадлежавшую королю. Его существование всё больше зависело от доверия кортесов, постепенно складывалась основа для политической ответственности совета министров и его членов. Всё более привлекательным становился образ монарха, власть которого направлена на «уравновешивание и гармонизацию деятельности конституционных властей и противостояние необходимым нововведениям».¹⁰¹ Лишь в Конституции 1869 г. законодатель приблизился к образу парламентской монархии, но увлечение идеями демократической монархии помешало его целиком созданию. После нескольких лет Первой республики (1871–1874 гг.) в последней из конституций, принятых в Испании в XIX в., учредители вновь вернулись к привычной конституционной монархии, не обращая внимание на уже накопленный опыт реализации положений основных законов.

В сложившемся и пригодном для конституционного государства виде монархия сохранилась и в первой трети XX в. (до 1931 г.). Исключение составляет лишь период Второй республики (1931–1936 гг.) и фактического существования диктатуры Франко (1936–1975 гг.). Юридически ещё в 1947 г. был взят курс на восстановление монархии в будущем, тогда представляемом как отдалённое и не связанное с определённой датой. Однако многое для возвращения стране короля было сделано. После смерти диктатора Испания вновь обрела историческую форму правления, более того, возвращение к ней ознаменовало и начало процесса становления демократического политического режима, переход от тоталитаризма к демократии. Принятая в 1978 г. Конституция относится к числу немногих исторических и современных основных законов, признающих и последовательно закрепляющих образ парламентской монархии и соответствующее правовое положение короля.

Вся конституционная история Испании в целом и эволюция оформленного основными законами образа монархии подтверждают мысль Ш. Боржо:

¹⁰⁰ См.: Esteban J., Gonzalez-Trevijano P. J. Tratado de Derecho Constitucional. T. 1. P. 52.

¹⁰¹ Colomer Viadel A. La monarquía parlamentaria en España // Revista de Estudios políticos. 1978. № 3. P. 104.

«Современные конституции не являются... результатом систематического труда юристов... Даже в Век философов конституции по своему содержанию были, во многих отношениях, произведением времени и обстоятельств... Это — великие страницы народной жизни, которые невозможно понимать правильно вне этой книги, в которую они были вписаны».¹⁰²

¹⁰² Боржо Ш. Учреждение и пересмотр конституций. М., 1918. С. 5.